

Шибаета Е.И.

**Региональные особенности
положения
русскоязычного населения
Прибалтики**

Шибеева Е. И.

**Региональные особенности положения
русскоязычного населения Прибалтики**

**Москва
2010**

ББК 66

УДК 323.15=161.1(474)

**Исследование осуществлено при финансовой поддержке
Департамента внешнеэкономических и международных связей
гор. Москвы**

Рецензенты:

*доктор исторических наук В.Г.Егоров,
кандидат физико-математических наук А.В.Докучаева*

Шibaева Е.И. Региональные особенности положения русскоязычного населения Прибалтики. – Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). – М., 2010. – 100 с.

ISBN 978-5-94293-023-3

В книге рассмотрено положение более чем миллиона русскоязычного населения в Латвии, Литве и Эстонии. Формирование современного национального состава населения, региональные различия в социально-экономическом и правовом положении русскоязычного населения, особенности функционирования русского языка, специфика районов компактного проживания русскоязычного населения – основная проблематика, освещенная в данной книге.

Книга адресована государственными и общественными структурам, занимающимся работой с соотечественниками, проживающими за рубежом, исследователям российской диаспоры.

ISBN 978-5-94293-023-3

© Институт диаспоры и интеграции
(Институт стран СНГ), 2010
Перепечатка материалов (частичная
или полная) разрешается только
после согласования с Институтом
стран СНГ

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Теоретические аспекты исследования.....	6
1.1. Русскоязычное население Прибалтики: содержание понятия.....	6
1.2. Терминологическое обозначение территории Эстонии, Латвии и Литвы.....	17
Глава 2. Особенности формирования национального состава населения Прибалтики.....	21
2.1. Прибалтика в составе СССР.....	21
2.2. Влияние постсоветских миграций на национальный состав населения.....	24
2.3. Современный национальный состав населения.....	28
Глава 3. Региональные различия положения русскоязычного населения.....	37
3.1. Гражданский статус населения.....	37
3.1.1. Тенденции изменения гражданского статуса населения.....	40
3.1.2. Различия в правах.....	43
3.2. Социальное положение населения.....	45
3.2.1. Уровень жизни и занятость населения.....	45
3.2.2. Проблема наркомании.....	50
3.3. Русский язык в системе образования и средствах массовой информации.....	52
3.3.1. Образование.....	52
3.3.2. Телевидение и радио.....	62
3.3.3. Печатные издания.....	65
3.3.4. Интернет.....	67
3.4. Территориально-возрастные особенности адаптированности населения Прибалтики к новым социально-политическим условиям.....	69
Глава 4. Положение русскоязычного населения в районе компактного проживания на примере Северо-Востока Эстонии.....	73
4.1. Обоснование выбора региона.....	73
4.2. Положение населения региона.....	75
4.2.1. Гражданский статус населения.....	75
4.2.2. Демографическая ситуация.....	76
4.2.3. Социальная ситуация.....	78
4.2.4. Преступность и проблема наркомании.....	80
Заключение.....	82
Литература.....	85
Примечания.....	95

Введение

После обретения независимости Прибалтийскими государствами резко ухудшилось социальное, экономическое, правовое, психологическое положение русскоязычного населения, проживающего в регионе. В начале 90-х гг. в странах Прибалтики был принят ряд законов, которые заложили основу дискриминационного положения нетитульного населения. Эти законодательные акты предопределили раскол между представителями титульной нации и национальными меньшинствами, который сейчас проявляется в различии в политических, экономических, социальных и культурных прав этих групп населения. Необходимо отметить, что Литва, признав право на гражданство за всеми постоянными жителями республики, избежала наиболее дискриминационных сторон политики по отношению к национальным меньшинствам, но тем менее русскоязычное население страны сталкивается с рядом серьезных проблем.

Права русскоязычного населения, как языкового меньшинства, ущемлены в связи с приданием в Прибалтийских странах статуса государственного лишь языку титульного населения, а русский язык стал иностранным, наравне со всеми другими языками. В результате резко сузилась сфера официального использования русского языка: в работе государственных учреждений, предприятий, в системе образования, в средствах массовой информации, в сфере культуры и т.д. Вместе с тем, русский язык в Прибалтике по-прежнему имеет весьма широкое распространение: в отдельных районах преобладает население с родным русским языком. Так, для $\frac{3}{4}$ жителей Северо-востока Эстонии русский язык является родным. Кроме того, русский язык фактически выполняет функции языка межнационального общения в республиках Прибалтики.

К настоящему времени сложилась тенденция, что зачастую при изучении положения русскоязычного населения Прибалтики эта группа рассматривается в целом по региону, реже – по отдельным странам. Такая же ситуация наблюдается при осу-

ществлении государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников. В работах, посвященных русскоязычному населению Прибалтики, фактически отсутствует внутрорегиональный анализ. Однако ситуация неодинакова в различных регионах стран, так как русскоязычное население очень неравномерно распределено по территории Прибалтики: в основном оно сконцентрировано на Северо-Востоке Эстонии, в восточных районах Латвии и Литвы, а также в столицах и крупных городах.

Цель данного научно-аналитического исследования состоит в выявлении региональных различий положения русскоязычного населения на двух уровнях: между странами в целом и между районами, где доля русскоязычного населения превышает среднее значение по стране;

Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы, насчитывающего 138 наименований, иллюстрирована 11 рисунками и 14 таблицами.

Глава 1

Теоретические аспекты исследования

1.1. Русскоязычное население Прибалтики: содержание понятия

В настоящее время для характеристики положения, событий и явлений жизни населения, не относящегося к эстонцам, латышам и литовцам в своих государствах в Прибалтике, используется очень широкий и размытый набор понятий. Подтверждением этого может служить их неполный список:

- национальное меньшинство, этническое меньшинство;
- историческое меньшинство, традиционное (нетрадиционное) меньшинство;
- диаспора;
- соотечественники;
- нетитульное население;
- некоренное население;
- неэстонцы, нелатыши;
- русское население;
- русская община;
- русское общество;
- русскоязычное (русскоговорящее) население.

Из вышеприведенного списка только понятия «**национальное меньшинство**» и «**этническое меньшинство**» фигурируют в международных документах, таких как Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН)¹ и Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств Совета Европы (принята 18 апреля 1995 года)².

Содержание, которое вкладывается в понятие «национальное меньшинство» в социологии, истории, антропологии, политологии и других дисциплинах существенно различается. Разработка данного понятия в международном праве связана с необходимостью отграничить данную категорию с целью правовой защиты соответствующих групп населения, поэтому некоторые общности, являющиеся национальными

меньшинствами в обыденном смысле или признаваемые таковыми в других науках, с точки зрения международного права таковыми не являются. Типичный пример этого – иностранцы, временно пребывающие на территории государства, которые могут образовывать и образуют во многих странах этническую общность, но при этом они не являются ею в правовом смысле, т.е. не могут рассчитывать на правовую защиту в качестве национального меньшинства.

В 1992 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам. В документе изложены права меньшинств и их отдельных представителей на самобытность, защиту со стороны государства, пользование своими культурой, языком, верой, создание своих объединений, свободные и мирные контакты через границы с гражданами других государств той же национальности, религии и языка, активное участие в решении вопросов, их касающихся и т.д. В Декларации также зафиксированы обязанности государств: охранять самобытность меньшинств, создавать благоприятные условия для выражения и развития ими своей культуры, языка, религии, содействовать их полному участию в развитии данного государства, учитывать законные интересы меньшинств в своей внутренней и внешней политике и т.д. Вопрос о том, кого же следует относить к национальным меньшинствам, в Декларации не ставится.

Основополагающим международным документом о национальных меньшинствах является Рамочная конвенция по защите национальных меньшинств Совета Европы. Рамочная конвенция является первым, имеющим обязательную силу для стран, подписавших и ратифицировавших ее, международным документом, специально посвященным защите прав национальных меньшинств.

В Рамочной конвенции, также как и в Декларации, отсутствует определение понятия «национальное меньшинство», потому что каждая страна в праве решать, какие группы лиц будут относиться к этой категории, и, соответственно, чьи права она будет защищать. Так, в соответствии с Законом Эстонской Республики от 21 ноября 1996 г. «О ратификации Рамочной Конвенции по защите национальных меньшинств», ЭР трактует не определенное в конвенции понятие «национальное меньшинство» следующим образом: «в качестве национального меньшинства рассматриваются граждане Эстонии, которые: проживают на территории Эстонии; имеют давнюю прочную

и постоянную связь с Эстонией; отличаются от эстонцев по своей этнической принадлежности, культурной самобытности, религии или языку; желают совместно сохранять свои культурные традиции, религию или язык, служащие основой их идентичности».

В международном праве давно ведутся поиски универсального понятия меньшинства, но до настоящего времени они не увенчались успехом. В Европе, например, государства-члены Совета Европы не достигли согласия в трактовке данного понятия. В Пояснительном докладе к Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств указывается, что «на данном этапе не представляется возможным дать такое определение, которое получило бы общее одобрение».

В научной литературе чаще всего используется определение, автор которого известный юрист – специалист в области международного права Франческо Капоторти. По его мнению, под меньшинством понимается «меньшая по численности, не занимающая господствующего положения группа, члены которой – граждане этого государства – обладают с этнической, религиозной или языковой точки зрения характеристиками, отличающимися от характеристик основной части населения, и проявляют, пусть даже косвенно, чувство солидарности в целях сохранения своей культуры, своих традиций, своей религии или своего языка»³. Это определение отражает как объективные, так и субъективные стороны понятия и содержит четыре критерия для выделения национального меньшинства: первый критерий носит численный характер; второй – качественный: худшее положение меньшинства по отношению к большинству; третий – наличие специфических этнических, религиозных или языковых характеристик; четвертый – осознаваемое чувство солидарности.

Данное определение было поддержано подкомиссией по предотвращению с дискриминацией и защите меньшинств Комитета по правам человека ООН в 1977 г. Никакой другой институт ООН это определение не принял, однако никто не оспорил и не отменил его. Протокол подкомиссии 1979 г., содержащий утверждение мнения Ф. Капоторти, опубликован как документ ООН. Таким образом, это определение существует и в международном правовом поле.

Нетрудно заметить, что международно-правовой подход к национальным меньшинствам имеет достаточно специфический характер, поскольку группы лиц, обладающих явными и признаваемыми всеми этническими отличиями, но

не являющихся гражданами данного государства не относят к национальным меньшинствам.

Однако это не означает, что права национальных и этнических меньшинств нужно определять, исходя только из критерия гражданства. Рабочая группа подкомиссии Комитета по правам человека ООН на 1273-м заседании в октябре 1993 г. приняла по этому вопросу поданное экспертом Лалла (Lallah) предложение пополнить определение Капоторти некоторыми важными положениями, в частности, что «права защиты меньшинств распространяются на лиц, которые не являются гражданами государства»⁴.

Каждое государство принимает собственное определение «национального меньшинства». Само существование этнических, культурных, языковых и религиозных отличий не обязательно порождает отношение к ним как к национальным меньшинствам, поскольку решение о признании меньшинствами групп на территории каждой страны оставлено за государством. Таким образом, с точки зрения международного права, национальные меньшинства есть там, где их существование признано государством, в противном случае на эти объективно существующие этнические группы не распространяются международные документы и международная защита. При этом каждый представитель национального меньшинства решает сам, относится ли он к национальному меньшинству или нет.

Часто в литературе можно встретить такие термины, как «**исторические меньшинства**», «**традиционные меньшинства**» и даже некоторые дефиниции этих понятий. Встречаются утверждения, что традиционные и нетрадиционные меньшинства имеют разные права и разный статус. Рамочная конвенция в некоторых своих статьях и использует подобную терминологию. Например, говоря о праве меньшинств на использование своего языка при общении с публичными властями, используется понятие «территорий, которые лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, населяют исторически или в значительном количестве». Здесь ключевой аспект – слово «или». Видимо это следует понимать так, что если меньшинство «историческое», т.е. давно живет на этой территории, то количество лиц, принадлежащих к этому меньшинству, может быть относительно небольшим.

Рамочная конвенция рассматривает права меньшинств как индивидуальные права, которые в ряде случаев можно реализовать совместно с другими лицами, принадлежащими к данной группе. Так, Рекомендация 1201 (1993) о национальных мень-

шинствах⁵ рассматривает меньшинства как группу и данный подход имеет отражение и в национальном законодательстве: Венгерский закон определяет меньшинства как группу, которая проживала на территории Венгрии более ста лет.

Определение меньшинства в терминах групповых прав практически не применяется к Эстонии и Латвии, поскольку в этих странах часть этнических русских является гражданами государств проживания, т.е. они полностью соответствуют всем критериям Рекомендации 1201, но значительная часть русских таковыми не является и выпадает из данного критерия. Кроме того, не все проживающие в настоящее время в Прибалтике русских родились здесь.

Все три Прибалтийские страны подписали Рамочную конвенцию Совета Европы. Литва ратифицировала Конвенцию в полном объеме – без ограничений и оговорок. Латвия и Эстония к «национальным меньшинствам» отнесли только граждан страны, кроме того Латвия ратифицировала конвенцию с оговорками: они не допускают использование языков национальных меньшинств в табличках с названиями улиц и других топографических названиях, а также в работе государственных и муниципальных структур⁶.

При всех указанных особенностях, Рамочная конвенция является важнейшим документом, регламентирующим и защищающим права русскоязычного населения Прибалтики. По мнению Б.Цилевича, депутата Сейма Латвии от «Центра Согласия», «у нас нет другого выхода, как использовать критерии, которые уже содержатся в самой Рамочной конвенции. Этот документ очень много критиковали за то, что он неточно сформулирован, что содержит многочисленные оговорки, за все эти «если есть необходимость», «если меньшинства того требуют» и т.д. и т.п. Можно согласиться, что эта неопределенность действительно является недостатком, но, с другой стороны, она же является достоинством, так как сама Конвенция не явно формулирует исключительно важный принцип в отношении прав меньшинств: права меньшинств возникают, когда они востребованы»⁷.

С определенными оговорками понятия «национальное меньшинство» и «этническое меньшинство» будут использоваться в данной работе, как имеющие правовой смысл в международных документах.

В отличие от «национального меньшинства» понятие «диаспора» не является правовым понятием и за ним юридически не закреплена возможность представлять и защищать свои

интересы в системе государственных и межгосударственных институтов.

В современной научной литературе отсутствует четкая дефиниция понятия «диаспора», несмотря на широкое использование этого термина, как в научной, так и в публицистической литературе. Большинство исследователей придерживается мнения, что диаспора – это часть этноса, проживающая за пределами своего национального государства. Есть авторы, которые расширительно трактуют понятие диаспор и относят к ним также этнические общности, проживающие в едином государстве, но за пределами своей «титულიной» республики (чуваши, татары, буряты, башкиры и др.)⁸. Ряд исследователей полагает, что диаспоры идентичны понятию субэтноса.

Доктор политических наук Т.В.Полоскова вводит в понятие «диаспора» качественные характеристики, определяя ее как действующую общность. Согласно ее определению, диаспора – это «совокупность этнических групп, проживающих за пределами «титульного» государства, для которых характерны: а) множественная этническая самоидентификация, предполагающая наличие этнокультурной связи и со страной проживания, и с этнической родиной; б) существование институтов, призванных обеспечить сохранение и развитие диаспоры, в т.ч. международного характера; в) наличие стратегии взаимодействия с государственными институтами как страны проживания, так и т.н. «титульного государства»⁹.

В Российской Федерации политика в отношении диаспоры начала формироваться после распада Советского Союза. В 1994 г. вышли Указ Президента Российской Федерации «Об основных направлениях государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом» и Постановление Правительства Российской Федерации «О мерах по поддержке соотечественников за рубежом». В том же году в Государственной Думе был создан Комитет по делам СНГ и связям с соотечественниками, а в 1995 г. – Совет соотечественников при Государственной Думе.

Вопрос о том, кого именно считать **соотечественниками** в течение долгого времени вызывал немало споров, причем в основном на политическом уровне. В 1999 г. был принят Федеральный Закон «О государственной политике в отношении соотечественников за рубежом», но и он не снял вопроса об определении «соотечественник». Одна из главных причин этого заключалась в слишком широком и расплывчатом объекте закона. В июле 2010 г. был принят Закон о внесении изменений

в Федеральный закон «О государственной политике по отношению к соотечественникам за рубежом», в котором дано новое определение понятия «соотечественник»:

«1. Соотечественниками являются лица, родившиеся в одном государстве, проживающие либо проживавшие в нем и обладающие признаками общности языка, истории, культурного наследия, традиций и обычаев, а также потомки указанных лиц по прямой нисходящей линии.

2. Соотечественниками за рубежом (далее – соотечественники) являются граждане Российской Федерации, постоянно проживающие за пределами территории Российской Федерации.

3. Соотечественниками также признаются лица и их потомки, проживающие за пределами территории Российской Федерации и относящиеся, как правило, к народам, исторически проживающим на территории Российской Федерации, а также сделавшие свободный выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с Российской Федерацией лица, чьи родственники по прямой восходящей линии ранее проживали на территории Российской Федерации, в том числе:

лица, состоявшие в гражданстве СССР, проживающие в государствах, входивших в состав СССР, получившие гражданство этих государств или ставшие лицами без гражданства;

выходцы (эмигранты) из Российского государства, Российской республики, РСФСР, СССР и Российской Федерации, имевшие соответствующую гражданскую принадлежность и ставшие гражданами иностранного государства или лицами без гражданства».

Таким образом, был сужен круг лиц, которые признаются соотечественниками. Предыдущий закон относил к соотечественникам всех, кто когда-либо проживал на территории Российского государства, Российской республики, РСФСР, СССР или Российской Федерации, и их потомков. Сейчас соотечественниками, кроме граждан РФ, проживающих за рубежом, признаются те, кто принадлежит, как правило, к народам, исторически проживающим в России, а также те (уже независимо от национальности), чьи предки раньше проживали на территории РФ. Для последних важен факт их свободного выбора в пользу духовной, культурной и правовой связи с Россией.

Свою принадлежность к соотечественникам нужно подкреплять общественной либо профессиональной деятельностью на ниве русского и родных языков народов РФ, русской культуры, дружбы страны проживания с Россией, по защите прав соотечественников, либо иными свидетельствами выбора в пользу духовной или культурной связи с Россией.

В данной работе понятие «соотечественники» используется, поскольку, во-первых, по смысловой нагрузке он совпадает с объектом данного исследования, и, во-вторых, именно это понятие фигурирует в российском законодательстве, направленном на защиту и поддержку этой группы населения.

Под понятие «**нетитульное население**» в контексте Прибалтики попадают все крупные и мелкие этнические группы, кроме литовской, латышской или эстонской в своих государствах соответственно.

В СМИ, политических дискуссиях лидеров Прибалтийских государств можно встретить понятие «**некоренное население**». В научной литературе нет единого мнения не только относительно понятия «некоренное население», но и относительно его антонима – понятия «коренное население». Чаще используется понятие «коренной народ» применительно к малым народам, например, Севера России. В Прибалтийских государствах понятие «некоренное население» используется фактически как синоним понятия «нетитульное население». Отчасти, это связано с тем, что титульное население региона, используя его по отношению к остальному населению, стремится подчеркнуть «переселенческий» характер последних, даже некую «незаконность» их пребывания. Можно говорить о том, что понятие «некоренное население» приобрело политический оттенок. Принимая во внимание этот подтекст, а также факт многовекового проживания русских и русскоязычных на территории Прибалтики, в данной работе понятие «некоренное население» использоваться не будет как некорректное.

В эстонских и латвийских официальных документах достаточно часто можно встретить такие понятия, как «**неэстонцы**» и «**нелатыши**». Например, в государственной программе «Интеграция в эстонском обществе 2000-2007 гг.» и в Эстонском государственном отчете за 2000 г. в отношении образовательной реформы используется термин «неэстонец», хотя в последнем документе говорится о неидеальности этого термина. Термин «нелатыш» также используется в концепции государственной программы «Интеграция общества в Латвии» и в документах о реформе образовательной системы. Под этими понятиями подразумеваются все этнические группы, за исключением эстонцев и латышей в Эстонии и Латвии соответственно. По мнению П. Даунса, такие понятия, как неэстонцы и нелатыши, являются своего рода юридической фикцией, так как многие из упоминающихся в официальных государственных документах так называемых нелатышей и неэстонцев на самом деле

являются гражданами Латвии или Эстонии (русскоязычными по происхождению). Говоря юридическим и «гражданским» языком, эти люди являются латышами и эстонцами вне зависимости от своего этнического происхождения. П. Даунс полагает, что «термины «неэстонец» и «нелатыш», которые используются в различных государственных документах, касающихся интеграции и т.д., являются дискриминирующими на том основании, что в социальном и официальном дискурсе этническая национальность ставится выше, чем юридическая национальность (гражданство)»¹⁰.

Понятия «неэстонец» и «нелатыш» в данной работе используются в той части, когда речь будет идти о государственных документах, оперирующих этими понятиями.

Из всех указанных в начале раздела терминов, наименьшие затруднения вызывает термин «**русское население**». Эта группа выделяется исключительно по этническому признаку. Надо отметить, что «русское население» можно точно оценить количественно, а именно по национальному составу населения. Под «**русской общиной**» понимается то русское и русскоязычное население, основным жизненным приоритетом которого является сохранение русского национального самосознания, духовное родство с Россией и стремление к структурной самоорганизации. «Русское общество» является более широким и размытым понятием. Совместно с русской общиной в нем представлены часть русского и русскоязычного населения, признающего, что для него преобладающее значение имеет причастность к русскому языку и культуре, и нацеленного на удовлетворение культурно-образовательных потребностей в духовной взаимосвязи с Россией. В рамках данной работы рассматривается более широкая группа – русскоязычное население.

«Русскоязычное (русскоговорящее) население» – термин, вызывающий наибольшее количество академических и неакадемических споров.

По мнению писателя В. Илляшевича, предпочтительно использовать термин «русскоговорящее население», нежели очень распространенное «русскоязычное население». С точки зрения филологии, русскоговорящий относится к одушевленному существительному, а русскоязычный – к неодушевленному. Газеты, журналы, книги – русскоязычные, но человек, население – русскоговорящие¹¹.

В последнее время большинство российских и зарубежных авторов используют термин «русскоязычное население» или «русскоязычные», хотя иногда можно встретить и термин

«русскоговорящее население». Примером последнего может служить одна из работ А.В.Вушкарника, в которой автор использует понятие «русскоговорящее население», относя к нему славянское население Прибалтийских государств¹².

Некоторые авторы сознательно отказываются от употребления понятия «русскоязычное (русскоговорящее) население». Например, Б.А.Крумлинг-Сухарев считает, что использование термина «русскоязычное население» некорректно, «как явно неопределенного, неадекватного какой-либо социальной структуре и столь же семантически диссоциирующего, как «эстонскоязычное или литовскоязычное население»¹³.

Рассмотрим более подробно мнения некоторых отечественных и зарубежных ученых относительно понятия «русскоязычное население».

Ирландский ученый П.Даунс считает, что «термин «русскоязычный» призван скрывать тот факт, что эта группа не моноэтнична, так как включает в себя кроме русских также украинцев, белорусов и евреев». По его мнению, «дальнейшее упрощение термина «русскоязычный» заключается в том, что он маскирует различия между русскоязычными гражданами (Латвии и Эстонии), иностранцами без гражданства (владельцы серых и фиолетовых паспортов) и гражданами России, проживающими в Балтии». Тем не менее, в своей работе П.Даунс использует термин «русскоязычный», отмечая, что он является упрощенным¹⁴.

П.Ярве и С.Велльманн отмечают, что термин «русскоязычный» «часто критикуется по политическим мотивам в связи с тем, что он призван маскировать разнообразие нужд различных этнических групп, а также за поощрение гегемонии этнических русских при решении вопросов национальных меньшинств». Однако они принимают и используют этот термин, замечая, что он «распространен в современном неакадемическом и академическом дискурсе»¹⁵.

С.С.Савоскул считает, что «понятие «русскоязычные» не вполне четкое и определенное. Под ним, очевидно, следует иметь в виду тех, для кого русский язык является основным средством общения». Следовательно, кроме русских, в круг русскоязычных входят и представители других этносов, в том числе и титульных народов Прибалтийских государств, не владеющие языком своей национальности и пользующиеся для общения русским языком. «Очевидно, – пишет С.С.Савоскул, – что русскоязычные – это лингвистическая группа, и, помимо преимущественного общения на русском

языке, ее представителей, видимо, объединяет и заинтересованность в сохранении и дальнейшем развитии русской языковой среды. Это особенно важно в нынешней этнополитической и этноязыковой ситуации в новом зарубежье для живущих там русских. Однако этнические интересы местных русских гораздо шире языковых. Поэтому необходимо осознание различий между этнонимом «русские» и лингвистическим понятием «русскоязычные»¹⁶.

По мнению С.Панарина, в широком первичном значении определение «русскоязычные» характеризует любых людей, способных разговаривать на русском языке. При таком его содержании в состав русскоязычных вполне обоснованно могут быть включены многие из работников иностранных посольств в Москве, практически все западные советологи, почти все население России, значительная часть населения новых независимых государств и все их президенты, советская и российская эмиграция в США, Западной Европе и Израиле и т.д. «Более узкое значение понятия «русскоязычные», – пишет С.Панарин, – утвердилось после распада СССР и обозначает вполне определенные категории или группы населения в постсоветском пространстве. Эти категории различаются между собой; вместе с тем, у них есть два общих признака, позволяющих объединять их в единую совокупность»¹⁷.

Первый признак С.Панарин называет «сущностным» – это глубокая включенность в русскую культуру, преимущественно в ее советском варианте. Все, кого принято называть русскоязычными, не просто знают русский язык, но и более или менее свободно владеют основными идиомами русской культуры. Второй признак – сугубо ситуационный: все русскоязычные переживают кризис идентичности. В Прибалтийских государствах этот кризис связан с тем, что русская/советская культура уже не признается культурой государственного большинства и нередко отождествляется, во-первых, с экспансионистской культурой другого государства, препятствующей развитию местных культур, во-вторых, с культурой меньшинства, в массе своей не желающего или не способного интегрироваться в нерусское культурное и политическое пространство.

С.Панарин выделяет три группы русскоязычных. Прежде всего, это русские жители областей и республик России и новых независимых государств. Они действительно являются этническими русскими, либо полагают себя таковыми вне зависимости от их подлинного этнического происхождения. Важно и то, что они воспринимаются как русские своим этническим

окружением. Ко второй группе он относит не отождествляющих себя с русскими представителей самых различных в лингвистическом и расовом отношении народов, проживающие вне своего этнического ареала и/или «своего» государства либо республики в составе России. Имеются в виду, например, немцы, украинцы и башкиры в Казахстане, крымские татары и корейцы в Узбекистане, армяне и евреи по всему СНГ. С точки зрения титульного большинства их самоидентификация не является, однако, существенным признаком. Куда важнее другие признаки, прочно связывающие эту категорию населения с русскими: свободное владение русским языком и употребление его в быту и при межэтническом общении; предпочтение, оказываемое русской культуре, а не титульной; появление в этноареале титульного народа вместе с русскими или после них. Третья группа – это отдельные фракции титульных народов республик России и новых независимых государств – наиболее урбанизированные и русифицированные и в то же время плохо знающие, либо вовсе не знающие родной язык.

Объектом исследования данной работы является **русскоязычное население Прибалтики – все русское население региона и те, кто владеет русским языком или преимущественно общается на русском языке и ориентируется на русскую культуру (вне зависимости от гражданского статуса)**. В качестве синонимов понятия «русскоязычное население» в работе в равной степени будут использоваться следующие термины: «национальное меньшинство», «этническое меньшинство», «нетитульное население» и «соотечественники». Из представителей других (кроме русских) наиболее многочисленных национальностей Прибалтики к русскоязычному населению относятся украинцы и белорусы.

1.2. Терминологическое обозначение территории Эстонии, Латвии и Литвы

В настоящее время для обозначения региона, объединяющего Эстонию, Латвию и Литву, используется несколько терминов. Чаще всего можно встретить два – **страны Балтии** и **Прибалтика**. Остальные фактически являются их «вариациями» – Балтийские республики / государства / страны, Прибалтийские республики / государства / страны и др. Вопрос о том, какое название (страны Балтии или Прибалтика) следует использовать, вызывает немало принципиальных разногласий.

В Латвии, Литве и Эстонии в официальных ситуациях употребляется словосочетание «страны Балтии». Термины «Прибалтика» и «прибалты» полностью исключены из официального употребления. По мнению местных политиков, они относятся к «царско-советскому» лексикону, и поэтому вызывают негативную реакцию. Так же, как и совершенно нейтральный термин «республика», который является в этих странах нежелательным из-за реминисценции с недавним прошлым. Поэтому Латвия, Литва и Эстония, будучи по своему устройству классическими республиками, настаивают на том, чтобы их называли не республиками, а «государствами», «странами», «субъектами международного права» и т.п.

Нежелание Латвии, Литвы и Эстонии отождествляться с некогда существовавшим Прибалтийским экономическим районом в рамках СССР привело к тому, что эти страны пытаются дистанцироваться друг от друга и присоединиться к другим европейским «регионам». Некоторые эстонские политики, например, считают теперь свою страну скорее принадлежащей к Северным государствам (Швеции, Финляндии, Норвегии, Дании и Исландии), а себя идентифицируют как североευропейцев. Особенно эта «северная» идентификация популярна у лидеров правой части политического спектра этой республики. В последнее время и литовские политики стали избегать признания своей балтийской принадлежности. Исходя из того факта, что географически Литва по сравнению с Латвией и Эстонией расположена несколько ближе к центральной Европе, они настаивают на чисто европейском, а не балтийском статусе своего государства. Таким образом, если придерживаться современного политического контекста, то для наполнения реальным содержанием понятия «страны Балтии» остается одна только Латвия.

В подтверждение тезиса о том, что современная политическая элита Латвии, Литвы и Эстонии всячески противится объединению своих стран, пусть даже лишь терминологически, можно привести высказывания местных политических лидеров.

В феврале 2005 г. в интервью Латвийскому радио (будучи тогда еще президентом страны) Вайра Вике-Фрейберга заявила, что Эстония, Латвия и Литва больше не являются чем-то единым, что в советские времена именовалось Прибалтикой. «Мы хотим себя представлять как независимые страны – Латвия, Литва и Эстония. Мы не являемся ни какой-то «Прибалтикой», ни прежними советскими республиками, а просто – незави-

симыми странами, каждая за себя»¹⁸, – это слова бывшего латвийского президента.

Ранее, в мае 2001 г. тогдашний министр иностранных дел Эстонии, а ныне президент страны, Т.Х.Ильвес в интервью «Wall Street Journal» признал: «Я не чувствую себя прибалтом». Опираясь на идею, что Эстония – часть Скандинавии, Ильвес и его сторонники отделяют Эстонию от южных соседей и утверждают, что кроме негативного опыта прошлого Эстонию, Латвию и Литву мало что объединяет. «Нас в один день завоевали, в один день насильно запихали в Советский Союз и в один и тот же день начали массовую депортацию жителей наших стран. Я не считаю, что это и есть связь между народами», – заявил он тогда.

Несмотря на такую позицию прибалтийских политиков, для совместного рассмотрения этих стран существует достаточно предпосылок. Они связаны не только со схожим географическим положением, общностью исторического, экономического и культурного развития, идентичностью природно-ресурсного потенциала и транспортной системы. В новейшей истории этих государств имеются примеры, которые позволяют не только проводить параллели между ними, но и рассматривать их как некое единство. В качестве примера можно привести то, что все три страны отказались присоединиться к СНГ, но заключили двусторонние соглашения с некоторыми его участниками, в первую очередь с Россией, Украиной и Белоруссией, в один день вступили в НАТО, позднее в Европейский Союз, а затем присоединились к Шенгенскому соглашению. Три прибалтийских государства учредили Балтийский союз и вошли в Северный совет.

Кроме того, необходимо сказать о том, что Латвия, Литва и Эстония в политической риторике все чаще апеллируют к Западу. Так, международные компании, открывая в этих странах свой бизнес, исходят из общего рынка всех трех стран.

Если с официальной позицией Латвии, Литвы и Эстонии ситуация достаточно ясна (т.е. если эти страны терминологически объединять, то только как «страны Балтии»), то в российской литературе до сих пор нет единого мнения.

В официальных российских документах чаще используется словосочетание «страны Балтии», поскольку именно так надо именовать этот регион согласно указанию МИД РФ. Но, несмотря на это, некоторые российские политики и государственные деятели настаивают на употреблении термина «Прибалтика». Можно сказать, что такая позиция имеет политический под-

текст, поскольку именно этот термин широко использовался в советское время, когда Эстония, Латвия и Литва входили в состав Советского Союза.

В российской научной литературе также нет единства в терминологическом объединении Латвии, Литвы и Эстонии: можно встретить весь спектр терминов, указанных выше. Интересное решение этого вопроса можно найти в работе Р.Х.Симоняна «Россия и страны Балтии». Когда автор пишет о периоде времени до 1991 г., он употребляет термин «Прибалтика», при рассмотрении периода после 1991 г. – термин «страны Балтии»¹⁹.

К вопросу выбора термина (страны Балтии или Прибалтика) можно подходить с разных точек зрения. С позиции этнолингвистики балтийскими странами являются только Латвия и Литва, поскольку латыши и литовцы принадлежат к балтийской (летто-литовской) семье, а эстонцы – к финно-угорской группе уральской языковой семьи. В работах по геополитике чаще используется термин «Прибалтика», нежели «страны Балтии». Примером могут служить доклады Совета по внешней и оборонной политике России, которые носят название «Россия и Прибалтика».

С точки зрения географии, Латвию, Литву и Эстонию правильнее называть «Прибалтика». В Географическом энциклопедическом словаре дается следующее определение этого понятия: «Прибалтика – территория на западе Европейской части СССР, примыкающая с востока к Балтийскому морю. Включает Эстонскую, Латвийскую и Литовскую Союзные республики и Калининградскую область»²⁰.

Если обратиться к истории, то можно узнать, что словосочетание «страны Балтии» появилось относительно недавно, а термин «Прибалтика» («прибалтийский») существует уже не один век. В XIX в. в Российской империи Курляндская, Лифляндская и Эстляндская губернии (современная территория Эстонии и большая часть территории Латвии) назывались Прибалтийским краем. В советские годы существовал Прибалтийский экономический район, куда входили Латвийская, Литовская и Эстонская республики.

В данной работе по отношению к территории, объединяющей Латвию, Литву и Эстонию, употребляется термин «Прибалтика» и производные от него: Прибалтийские государства / страны / республики.

Глава 2

Особенности формирования национального состава населения Прибалтики

2.1. Прибалтика в составе СССР

На национальный состав населения республик Прибалтики влияли и демографические, и политические обстоятельства. Рассматривая изменения национального состава в 40-е гг. XX в. нельзя не сказать об имевших место в Прибалтике вынужденных миграциях. В июне 1941 г. появилась директива «План мероприятий НКВД по этапированию, расселению и трудоустройству спецконтингентов, высылаемых из Литовской, Латвийской, Эстонской и Молдавской ССР». План предусматривал арест и выселение бывших членов различных националистических партий, «чуждых классовых элементов»: фабрикантов, помещиков и членов буржуазных правительств (все они, как правило, имели статус «ссылнопоселенцев»). Из Литвы было депортировано в Новосибирскую обл., Казахстан и Коми АССР 17,5 тыс. человек, из Латвии – в Красноярский край, Новосибирскую обл. и Карагандинскую обл. Казахстана около 17 тыс. человек, из Эстонии – в Кировскую и Новосибирскую обл. около 6 тыс. человек²¹. Указанные процессы привели к тому, что во всех трех Прибалтийских республиках несколько сократилась доля титульного населения.

Особенно резкий сдвиг в этническом составе населения Эстонии и Латвии произошел после Великой Отечественной войны. Восстановление разрушенных войной предприятий и дальнейшее развитие народного хозяйства требовали масштабного привлечения трудовых ресурсов. Обеспечение кадрами строящихся объектов в Прибалтике происходило в основном за счет привлечения рабочих рук из сопредельных районов России. Например, за период 1946-1950гг. из Санкт-Петербурга в Эстонию прибыло 20,5 тыс. человек, в Латвию – почти 15 тыс., в Литву – свыше 4,6 тыс.²²

Особенностью послевоенной Литвы, отличавшей ее от Латвии и Эстонии, являлось то, что миграция была гораздо меньшим фактором ее развития. Так, если в Литве в 1959-1989

гг. миграция дала 23% общего прироста ее населения, то в Эстонии за этот же период – 64%, в Латвии – 63%. Кроме того, русские в миграционном приросте Литвы по сравнению с ее балтийскими соседями занимали гораздо более скромное место. Например, в 1980-1987 гг. доля русских среди всех мигрантов составляла в Литве 27%, в Эстонии 57%, в Латвии 56%²³. В результате, хотя доля русских в Литве за 1959-1989 гг., как и в других республиках Прибалтики, росла, однако здесь этот процесс шел слабее. За 30 лет доля русских в населении Эстонии увеличилась в 1,5 раза (с 20,1 до 30,3%), в Латвии – в 1,3 (с 26,6 до 34%), а в Литве – в 1,1 раза (с 8,5 до 9,4%).

Также значительная доля прироста населения Латвии и в меньшей степени Литвы произошла за счет Белоруссии, особенно Витебской области. Это нашло свое отражение в изменении этнического состава: с 1959 г. по 1989 г. доля белорусов в Латвии увеличилась с 2,9% до 4,5%. За 30 лет численность белорусов в Латвии и Литве возросла в два раза.

В отличие от Литвы в Эстонии и Латвии темпы прироста горожан русской национальности были выше, чем городского населения титульных национальностей. Наибольшие темпы прироста русских по сравнению с титульным населением были характерны и для сельской местности Латвии и Эстонии.

В советские годы русское население Прибалтики в подавляющей части было городским. За 1959-1989 гг. степень урбанизированности русских в Прибалтике в наибольшей мере выросла в Литве и Латвии: в первой с 77 до 90%, во второй – с 73 до 85%. В Эстонии и в 1959 г. русское население было самым урбанизированным по сравнению с другими Прибалтийскими республиками, поэтому рост здесь не так заметен: с 86,5 до 92%.

Для расселения русских в Прибалтике, особенно в Латвии и Эстонии, было характерно не просто поселение преимущественно в городах, а, прежде всего в крупных городах и республиканских столицах. В Риге в 1989 г. проживали 56% всех русских горожан Латвии и 48% всего русского населения республики. В Таллине жили 45% русских горожан Эстонии и 41% всего ее русского населения, в Вильнюсе – соответственно 38 и 34%. В Риге и Таллине количество русского населения увеличивалось быстрее, чем титульного, в результате чего доля русских постоянно росла.

Значительным было и косвенное влияние миграции. Мигрирует главным образом молодежь, дающая в местах притока естественный прирост населения. Все это привело к сильному

снижению доли титульных национальностей в населении Эстонии и Латвии. Изменению пропорций в национальном составе населения Латвии и Эстонии также способствовали особенности демографического развития их титульных народов, так как у латышей и эстонцев были один из самых низких в Союзе уровень рождаемости и высокая доля лиц старших возрастов.

В Литве же «подпитка» русскоязычного массива в основном шла за счет естественного роста, в результате чего складывалась более благоприятная ситуация для этнокультурной адаптации русского населения к литовскому большинству и как следствие формирование в постсоветские годы более благоприятных условий для вхождения русских в общество новой суверенной Литвы. Этому способствовало и длительное сохранение относительно устойчивого этнодемографического баланса, при котором литовцы составляли около 80% всего населения, а русские менее десятой его части. Русские в Литве по сравнению с русскими других Прибалтийских государств были наиболее адаптированы и вовлечены в местную культурную и языковую среду. Это подтверждается и данными переписи населения 1989 г.: в Литве 37,8% русских свободно владели или считали родным язык титульной национальности, в Латвии и Эстонии эти показатели значительно меньше – 22,4% и 15,1% соответственно.

Располагаясь на побережье Балтийского моря, портовые города этих территорий традиционно обслуживали значительную часть внешнеторгового оборота всей дореволюционной России, а затем и Советского Союза. Высокие темпы механического прироста населения Латвии и Эстонии были вызваны тем, что Прибалтийские республики являлись одним из наиболее динамично развивающихся регионов СССР. Это определялось многими факторами, в том числе и экономико-географическим положением. Транзитные функции этих республик особенно возросли после их включения в состав СССР. Наряду с чисто экономическим фактором, в наибольшей мере стимулировавшим миграцию в Прибалтику, механический прирост ее населения происходил и по причине размещения на западных рубежах СССР военных контингентов, военно-морских сил и пр., что стимулировало бурное развитие разнообразной обслуживающей инфраструктуры, в том числе предприятий ВПК.

Накануне распада СССР русские в Прибалтике были в большей мере, чем титульное население, заняты в промышленности и управлении. В Эстонии в 1989 г. количество русскоязычных занятых в промышленности превышало количество эстонцев на 78%, в Латвии и Литве русскоязычных в промышленности

было больше, чем латышей и литовцев на 47 и 30% соответственно. В управлении разница была еще выше: в Литве число русскоязычных превышало число представителей титульной нации на 195%, в Латвии – на 105%, в Эстонии – на 98%. Существенное преобладание титульного населения наблюдалось в сельском хозяйстве: на 84% в Эстонии, на 76% и 70% в Литве и Латвии. Больше, чем русскоязычное, титульное население было также занято в просвещении и образовании²⁴.

2.2. Влияние постсоветских миграций на национальный состав населения

В отличие от тенденций советского периода, для постсоветских миграций в Прибалтике (1991-1995 гг.) характерно преобладание числа выезжающих над числом въезжающих. За первые пять лет независимости Эстония и за четыре года Латвия в результате миграционного оттока потеряли столько же жителей, сколько приобрели в результате миграций за 1976-1990 гг. В Литве миграционный отток был не настолько велик, хотя число уехавших в первые четыре года независимости сопоставимо с числом прибывших в последние пять лет существования Советского Союза (таблица 1).

Таблица 1

Сальдо миграции населения, тыс. чел.

	1961- 1965	1966- 1970	1971- 1975	1976- 1980	1981- 1985	1986- 1990	1991- 1995	1961- 1990
Эстония	43,2	48,0	32,9	27,5	27,9	18,0	-71,4	197,5
Латвия	78,0	70,0	63,6	39,5	43,7	33,0	-115,0	327,8
Литва	14,4	33,9	33,6	34,4	49,3	48,1	-50,3	213,7

Составлено по: [Demographic statistics..., 1996; Statistical Yearbook..., 1999; Statistical Yearbook..., 1998; Demographic Yearbook..., 2003.]

Преобладание выезда над въездом явилось результатом, прежде всего радикальных этнополитических перемен, произошедших после распада СССР. Об этом наглядно свидетельствуют тенденции изменения национального состава миграционных потоков. После 1991 г. доля выезжающих из этих стран русских и другого нетитульного населения стремительно росла и замет-

но падала среди въезжающих в них, что особенно характерно было для Эстонии и Латвии. В то же время в составе въезжающих наблюдался рост доли титульного населения этих стран, а среди уезжающих – некоторое падение. Сальдо миграции титульных этносов Прибалтики (за исключением эстонцев) все эти годы было положительным, в отличие от такового русских и другого нетитульного населения (рис. 1, 2).

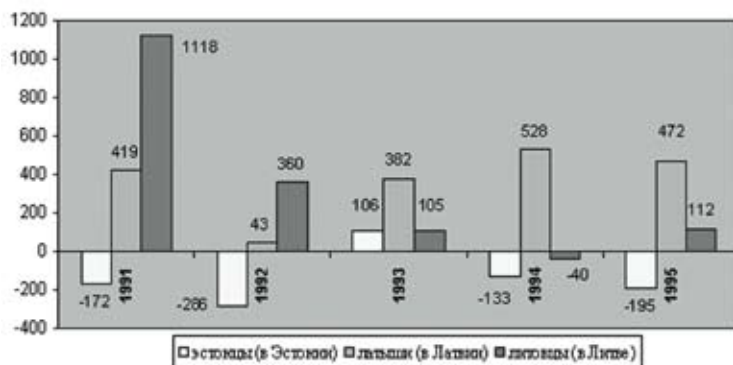

Рис. 1. Сальдо миграции титульных национальностей в Прибалтике, 1991-1995 гг., чел.

Составлено по: [Demographic statistics..., 1996, p. 62; Statistical Yearbook of Latvia, 1999, p. 73; Statistical Yearbook of Estonia, 1998, p. 80; Demographic Yearbook, 2003, p. 153].

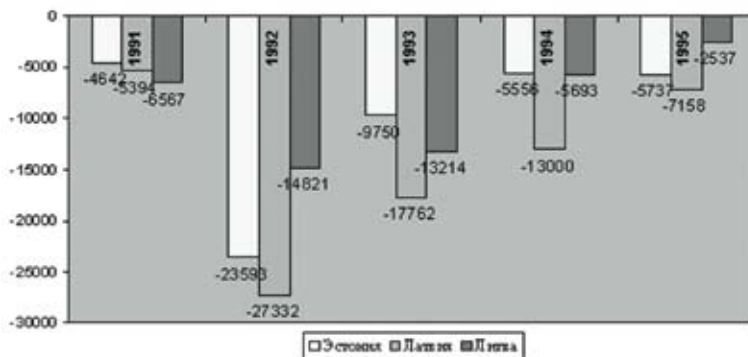

Рис. 2. Сальдо миграции русских в Прибалтике, 1991-1995 гг., чел.

Составлено по: [Demographic statistics..., 1996, p. 62; Statistical Yearbook of Latvia, 1999, p. 73; Statistical Yearbook of Estonia, 1998, p. 80; Demographic Yearbook, 2003, p. 153].

Основные тенденции в миграционной политике Прибалтийских государств можно охарактеризовать как выталкивание, выдавливание русских и другого нетитульного населения и попытку стягивания на этническую родину титульного населения из других государств. После провозглашения независимости Прибалтийскими государствами начался процесс вытеснения русских из общественной и экономической жизни этих стран, причем наиболее мощное вытеснение шло из высших страт общества. Это подтверждается результатами опроса мигрантов из Латвии и Эстонии, проведенного в 1994 г. в Псковской области. Среди опрошенных преобладали лица средних трудоспособных возрастов с высоким уровнем образования (высшее образование имели 41% переселенцев из Латвии и 28% – из Эстонии, среднее специальное – соответственно 19% и 30%). Наиболее многочисленными социальными группами среди мигрантов были квалифицированные рабочие, специалисты, а также руководители. Доля неквалифицированных рабочих и служащих была крайне мала²⁵.

Рекордным по миграционному оттоку населения оказался 1992 г., в течение которого Эстонию покинуло 37,4 тыс. человек, Латвию – 53,1 тыс., Литву – 28,9 тыс., в том числе русских из Эстонии уехало 25,9 тыс., из Латвии – 30,7 тыс., из Литвы – 16,4 тыс. Поскольку Прибалтику покидали преимущественно русские, которые распределены по территории стран крайне неравномерно, то и миграционное сокращение населения существенно различается по районам. Наибольший миграционный отток населения наблюдался там, где компактно проживает русскоязычное население. Так, на Северо-Востоке Эстонии в результате миграций за 1991-1997 гг. население сократилось на 8,3%. Интересным фактом является то, что до распада Советского Союза Северо-Восток был в числе лидирующих регионов по притоку мигрантов, а с 1991 г. ситуация изменилась на противоположную.

Одним из итогов резкой перемены в тенденциях внешней миграции Прибалтийских стран конца 1980-х – первой половины 1990-х гг. стали заметные демографические изменения. За этот период в результате миграционного обмена с другими странами население бывших Прибалтийских республик в целом в той или иной мере сократилось. Более заметным это было в Эстонии и Латвии, менее заметным – в Литве, поскольку в результате миграции уменьшилась численность, прежде всего нетитульного населения, а его доля среди Прибалтийских республик меньше всего именно в Литве. Титульное же население

Латвии и Литвы в итоге миграционного обмена с внешним миром даже несколько возросло, но незначительно – всего на 0,1% общей численности литовцев и латышей в их титульных республиках в 1989 г. Численность эстонцев в результате внешней миграции за эти годы хотя и очень незначительно, но сократилась, Доля же русского населения в итоге внешней миграции в наибольшей мере сократилась в Литве, несколько меньше – в Эстонии и еще меньше – в Латвии (таблица 2).

Таблица 2

**Изменение относительной численности населения
в 1990-1994 гг. в результате внешней миграции
(1989г. = 100%)**

Страна	Все население	Титульное население	Русские	Украинцы	Белорусы	Евреи
Эстония	95,7	99,95	90,4	80,4	84,0	72,5
Латвия*	96,1	100,1	93,0	83,0	88,4	79,1
Литва	98,5	100,1	89,9	83,0	88,7	59,7

* За 1991-1994 гг.

Источник: [Савоскул С.С., 2001, С. 289].

Уехавшие из Прибалтики в Россию мигранты чаще всего селились в Северо-Западном и Центральном районах, территориально наиболее близких к регионам их выхода и со схожими природно-климатическими условиями. В определенной своей части это была возвратная миграция, поскольку именно из этих российских регионов русские в советский период чаще всего и переселялись в Прибалтийские республики. В 1993 г. в этих двух районах поселились почти 60% мигрантов из Эстонии, почти $\frac{1}{2}$ из Латвии и более $\frac{1}{4}$ из Литвы²⁶. Эти два района не в одинаковой мере привлекали выходцев из разных Прибалтийских стран. В Северо-Западный район мигранты из Эстонии ехали гораздо чаще, чем в Центральный, а переселенцы из Литвы – наоборот. Доли же выходцев из Латвии, селившихся в этих российских регионах, были примерно одинаковы. Понятно,

что эти различия вызваны, прежде всего, близостью того или иного государства к названным регионам России. Внутри Северо-Западного района мигранты из Прибалтики чаще селились в Петербурге, Ленинградской и Псковской областях, в Центральном районе – в Московской области и на западе региона – в Смоленской и Тверской областях. За период 1992-1997 гг. в Санкт-Петербург из Прибалтики прибыло 12,7 тыс. человек. Свыше $\frac{1}{2}$ прибывших за эти годы были из Латвии, 35% – из Эстонии, 13% – из Литвы²⁷.

Во второй половине 1990-х гг. произошло снижение миграционного оттока: отъезд русского и другого нетитульного населения сократился в несколько раз. Так, в 1997 г. из Эстонии выехало всего чуть более 4 тыс. человек, что в 9 раз с лишним меньше, чем в 1992 г.

Итак, Распад Советского союза изменил направление миграционных потоков между Прибалтикой и Россией: если до 1991 г. Прибалтика имела положительное сальдо миграции и Россией, то после оно стало отрицательным. Начался массовый выезд русскоязычного населения, пик которого пришелся на 1992 г. За период 1990-1994 гг. из Прибалтики уехало около 250 тыс. русскоязычных. Причиной этому послужило принятие законодательных актов, дискриминирующих русскоязычное население. Затем миграционный отток пошел на спад, что было вызвано рядом причин. Во-первых, большинство тех, кто хотел и имел возможность уехать, покинули Прибалтику. Во-вторых, произошло ужесточение российского законодательства, регламентирующего предоставление статуса беженца и вынужденного переселенца; увеличились трудности, с которыми сталкиваются переселенцы в ходе социально-экономической адаптации в России. В-третьих, часть русских уже интегрировалась в экономическую и политическую жизнь новых государств и не намерена их покидать.

2.3. Современный национальный состав населения

Прибалтийские государства являются многонациональными: кроме титульного населения здесь проживают русские, украинцы, белорусы, поляки и др. Удельный вес русскоязычного населения различен в трех странах: если в Латвии и Эстонии он составляет приблизительно $\frac{1}{3}$, то в Литве – менее $\frac{1}{10}$. В Латвии и Эстонии второй по численности национальной группой (после титульного населения) являются русские, в Литве – поляки (рис.3).

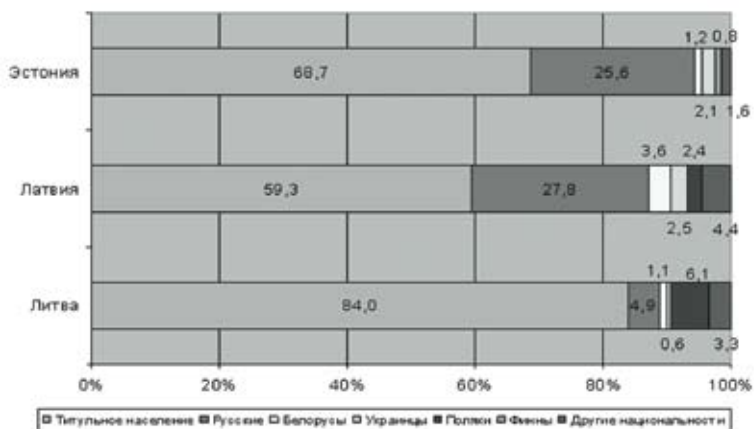

Рис. 3. Национальный состав населения Прибалтийских государств (2009 г.)

Составлено по: <http://www.stat.ee/>, <http://www.csb.gov.lv/>, <http://www.stat.gov.lt/>

По информации Statistics Estonia на 1 января 2009 г. постоянное население Эстонии составило 1340,4 тысячи человек, что на 14% меньше, чем по данным переписи 1989 г.

Современные данные свидетельствуют о росте доли эстонцев: с 61,5% в 1989 г. до 68,7% в 2009 г. В то же время доля русских упала с 30,3% до 25,6%, украинцев – с 3,1% до 2,1%, белорусов – с 1,8% до 1,2% и финнов – с 1,1% до 0,8% населения.

В абсолютных значениях за 20 лет численность русских сократилась на 132 тыс. (или на 28%), украинцев – на 20 тыс. (или на 42%), белорусов – на 12,3 тыс. (или на 44%).

Национальный состав населения Эстонии существенно варьируется по регионам страны. Доля русских в отдельных уездах колеблется от 1% на островах Сааремаа и Хийумаа до почти 70% в Ида-Вируском уезде, а в таких городах как Нарва и Силламяэ составляет более 85%.

На территории страны сформировались два региона, где доля русских превышает среднее значение по стране. Это, прежде всего, Ида-Вируский уезд в северо-восточной части Эстонии и уезд Харьюмаа вместе с Таллином.

В столичном регионе Эстонии проживает около половины всех русских и чуть менее $\frac{1}{3}$ проживает в Ида-Вирумаа.

Таблица 3

**Национальный состав населения Эстонии,
1959-2009 гг., тыс. чел.**

	1959	1970	1979	1989	1995	2000	2009
Общая численность	1197	1356	1464	1566	1491	1370	1340
Эстонцы	892	925	948	963	958	930	921
Русские	240	335	409	475	428	351	343
Украинцы	16	28	36	48	40	29	28
Белорусы	11	19	23	28	23	17	16
Финны	17	18	18	17	15	12	11
Евреи	5	5	...	5	3	2	2
Татары	4	3	3	2
Немцы	3	2	2	2
Латыши	3	3	2	2
Поляки	3	2	2	2
Литовцы	3	2	2	2
Другие национальности	16	26	30	14	12	18	9

Составлено по: [Итоги всесоюзной..., 1973; Demographic statistics in..., 1996; Population and Housing..., II, 2001, p. 14], <http://stat.ee/>

Отличительной особенностью расселения русских в Эстонии является их преобладание среди городского населения. Так, в целом по стране доля русских среди городского населения составляет 35,2%, а среди сельского – лишь 5,9%. Особенно высока доля русских в столице и крупных городах. Например, в городе Пярну доля русских составляет 15,3%, а в соответствующем уезде – только 9,3%. Эта диспропорция между городским и сельским населением объясняется тем, что значительная часть русских появилась в Эстонии в период активного промышленного строительства и, следовательно, оседала в городах.

Согласно результатам переписи населения 2000 г., русский язык считают родным 29,7% населения Эстонии. Доля людей, владеющих русским языком значительно выше – 72,2%. Среди городского населения страны русским языком владеют свыше 80%, а среди сельского – около 56%, что соответствует территориальным особенностям национального состава Эстонии.

Перепись населения показала, что на русском языке как родном говорят 98,2% русских, 80,6% евреев, 69,7% белорусов, 65,2% немцев, 61% поляков, 56,8% украинцев, 50,2% татар и др. (таблица 4).

Таблица 4

Языковой состав населения Эстонии, 2000 г.

Национальность	Численность, человек	Говорят на языке своего этноса как на родном	в %	Говорят на эстонском как на родном	в %	Говорят на русском как на родном	в %
Все население	1370052	1285948	93,9	–	–	–	–
Эстонцы	930219	910493	97,9	–	–	17985	1,9
Русские	351178	344796	98,2	5062	1,4	–	–
Украинцы	29012	11923	41,1	481	1,7	16486	56,8
Белорусы	17241	4953	28,7	144	0,8	12014	69,7
Финны	11837	4554	38,5	3701	31,3	3534	29,9
Татары	2582	1229	47,6	51	2,0	1295	50,2
Латыши	2330	1242	53,3	208	8,9	859	36,9
Поляки	2193	539	24,6	133	6,1	1338	61,0
Евреи	2145	124	5,8	248	11,6	1728	80,6
Литовцы	2116	1147	54,2	100	4,7	849	40,1
Немцы	1870	455	24,3	176	9,4	1219	65,2
Армяне	1444	711	49,2	42	2,9	682	47,2

Рассчитано по: [Population and Housing..., II, 2001, pp.150-151

Своеобразный языковой «анклав» сформировался на Северо-Востоке страны (уезд Ида-Вирумаа), где русским языком владеют почти 94% населения региона, причем 77,8% жителей уезда называют русский язык родным. В некоторых городах региона, таких как Нарва и Силламяэ, русским языком владеют более 98% населения.

Согласно данным Central Statistical Bureau по состоянию на начало 2009 г. население Латвии составило 2261,3 тыс. человек, что на 15,2% меньше по сравнению в 1989 г. За указанный период доля латышей увеличилась с 52% до 59,3%, а доля представителей основных национальных меньшинств уменьшилась: русских – с 34% до 27,8%, белорусов – с 4,5% до 3,6%, украинцев – с 3,5% до 2,5%.

Таблица 5

**Национальный состав населения Латвии,
1959-2009 гг., тыс. чел.**

	1959	1970	1979	1989	1995	2000	2009
Все население	2093	2365	2503	2667	2529	2377	2261
Латыши	1298	1342	1344	1388	1385	1370	1340
Русские	556	705	821	905	830	703	629
Белорусы	62	95	111	120	102	97	82
Поляки	60	63	63	60	56	59	53
Украинцы	29	53	67	92	75	64	56
Литовцы	32	41	38	35	33	33	30
Евреи	37	37	28	23	12	10	10
Другие	19	29	25	44	36	40	61

Составлено по: [Итоги всесоюзной..., 1973; Demographic statistics..., 1996], <http://csb.gov.lv/>

Сопоставление данных о национальном составе за 2009 г. с результатами переписи населения 1989 г. свидетельствует о том, что произошло абсолютное сокращение численности всех этнических групп. Это произошло, несмотря на то, что латвийские власти проводят благожелательную политику в отношении приезжающих в страну латышей из других стран. Однако и их приезд не перекрывает естественную убыль и миграционный отток титульного населения в страны Евросоюза. Наибольшее сокращение наблюдается у представителей русскоязычного населения. Так, численность русских сократилась на 276,5 тыс. человек (или на 30,5%), белорусов – на 38 тыс. (или на 31,8%), украинцев – на 35,8 тыс. (или на 39%).

Русскоязычное население проживает главным образом в крупных городах, около половины всех русских проживает

в Риге. Из семи городов государственного подчинения русскоязычное население преобладает в двух – в Даугавпилсе и Резекне, в Риге составляет около $\frac{1}{2}$, в остальных (Елгава, Юрмала, Лиепая, Вентспилс) – превышает $\frac{1}{3}$. Высокий процент (более 40%) русскоязычные составляют в приграничных районах с Россией: Резекненском, Даугавпилском и Лудзском.

Согласно переписи 2000 г., почти 40% населения Латвии считают русский язык своим родным языком. Помимо русских, русский язык назвали родным 72,8% белорусов, 67,8% украинцев, 57,7% поляков, 79,1% евреев, 56,8% немцев и др. (таблица 6).

Таблица 6

Языковой состав населения Латвии, 2000 г.

Национальность	Численность, человек	Считают родным язык своего этноса, человек	в %	Считают родным языком латышский	в %	Считают родным языком русский	в %
Все население	2377383	2050763	86,3	–	–	–	–
Латыши	1370703	1311093	95,7	–	–	48242	3,5
Русские	703243	664743	94,5	31141	4,4	–	–
Белорусы	97150	18265	18,8	6347	6,5	70717	72,8
Украинцы	63644	17301	27,2	2309	3,6	43159	67,8
Поляки	59505	11529	19,4	11727	19,7	34340	57,7
Литовцы	33430	13187	39,4	14203	42,5	5437	16,3
Евреи	10385	825	7,9	918	8,8	8211	79,1
Цыгане	8205	5637	68,7	1670	20,4	574	7
Немцы	3465	541	15,6	854	24,6	1970	56,8
Татары	3168	867	27,4	70	2,2	2162	68,2
Эстонцы	2652	720	27,2	1041	39,3	840	31,7

Источник: [Тульский М., 2002]

По результатам переписи, 80% населения Латвии владеет русским языком, в том числе более 70,7% живущих в стране

латышей. Русским языком владеют также 97,5% живущих в стране русских, 96,3% белорусов, 95,6% украинцев, 95,0% татар, 92,8% поляков и 89,4% евреев.

По данным Statistics Lithuania, число постоянных жителей Литвы на 1 января 2009 г. составило 3349,9 тыс. человек, в то время как перепись 1989 г. зарегистрировала 3674,8 постоянных жителей. Численность населения сократилась на 324,9 тыс. человек, или на 5,2%. За 20 лет доля литовцев увеличилась с 79,65 до 84%. Это самый высокий удельный вес литовцев на нынешней территории Литвы с начала проведения здесь переписей населения и максимальная доля титульного населения из трех Прибалтийских стран. За 1989-2009 гг. доля русских упала с 9,4% до 4,9%, поляков – с 7% до 6,1%, белорусов – с 1,7% до 1,1%. В абсолютных значениях русских стало меньше на 179 тыс. человек (или на 52%), поляков – на 52,5 тыс. (или на 20,4%), белорусов – на 26,9 тыс. (или 42,7%). Поскольку темпы сокращения польского населения Литвы ниже, чем русского, то в начале 2000-х годов произошел «исторический» перелом – второй по численности национальной группой Литвы стали поляки, а не русские.

Таблица 7

**Национальный состав населения Литвы,
1959-2009г., тыс. чел.**

	1959	1970	1979	1989	1995	2001	2009
Все население	2712	3128	3392	3675	3718	3484	3350
Литовцы	2151	2507	2721	2924	3022	2907	2816
Поляки	230	240	247	258	259	235	206
Русские	231	268	304	344	311	220	165
Белорусы	30	45	58	63	56	43	36
Украинцы	18	25	32	45	38	23	20
Евреи	25	24	15	12	6	4	3
Немцы	2	...	3	3
Татары	4	5	...	3	2
Латыши	4	4	...	3	2
Цыгане	2	3	...	3	2
Армяне	1	2	...	1	...
Другие	27	19	24	12	26	6	8
Национальность не указана	0	...	33	87

Составлено по: [Итоги всесоюзной..., 1973; Demographic statistics..., 1996; Results of..., 2002], <http://www.stat.gov.lt/>

Территориальные различия в национальном составе в Литве не столь значительны, как в Латвии и Эстонии. Здесь доля русских в различных районах страны изменяется от 0,6% в Мариампольском и Таурагском районах до 13,3% в Утенском районе. Своеобразным русскоязычным «анклавом» является город Висагинас на северо-востоке страны, более половины населения которого представлено русскими, украинцами и белорусами. Своим появлением на этой территории русскоязычное население обязано строительству Игналинской АЭС. В настоящее время около 80% 30-ти тысячного города говорят по-русски. Кроме того, значительная часть русскоязычного населения проживает в Вильнюсе и Клайпеде, где составляет 14% и 21% соответственно.

Как показали результаты переписи населения 2001 г., почти 8% населения Литвы считают русский язык своим родным языком. Помимо 89,2% русских, русский язык назвали родным 52,2% белорусов, 9,6% поляков и др. (таблица 8).

Таблица 8

Языковой состав населения Литвы, 2001 г.

Национальность	Численность, человек	Считают родным язык своего этноса, человек	в %	Считают родным языком литовский, человек	в %	Считают родным языком русский, человек	в %
Все население	3483972	–	–	2855780	82,0	277318	7,9
Литовцы	2907293	2810648	96,7	–	–	7837	0,3
Поляки	234989	187918	80,0	17233	7,3	22439	9,6
Русские	219798	196042	89,2	13954	6,3	–	–
Белорусы	42866	14603	34,1	1622	3,8	22386	52,2

Рассчитано по: [Statistical Yearbook..., 2003, pp.63-64]

Согласно результатам переписи, свыше 60% населения Литвы знает русский язык. Русским языком владеет значительное число литовцев, а также литовские граждане других национальностей: белорусы, украинцы, евреи и т.д. Обращает на себя внимание низкий уровень знания русского языка детьми и молодежью. В возрастной группе до 15 лет лишь 13,5% владеют русским языком, а среди людей в возрасте от 40 до 44 лет этот показатель равен 82,8%.

* * *

Таким образом, изменения, произошедшие в национальном составе трех Прибалтийских государств с момента обретения независимости, характеризуются увеличением доли титульного населения и сокращением доли русскоязычного. Причем доля титульного населения в Литве достигла максимального значения за всю историю проведения переписей населения, а русские стали третьей по численности национальной группой, хотя ранее были второй.

Для всех трех стран характерна ситуация, когда по данным переписей населения (Латвия, Эстония 2000 г., Литва 2001 г.) доля титульной национальности оказывалась выше ожидаемой, а доля русскоязычных – ниже. Это может быть свидетельством добровольной ассимиляции русских, когда дети из смешанных семей в качестве национальности указывали титульную национальность.

Русским языком владеют 80% населения Латвии, 60% населения Литвы и 72,2% населения Эстонии. В ходе переписей населения русский язык назвали родным как русские, так и подавляющее большинство представителей национальных меньшинств, а также некоторая часть титульного населения Прибалтики. Степень распространенности русского языка позволяет говорить о том, что он фактически выполняет функции языка межнационального общения не только в каждой из стран Прибалтики, но и в регионе в целом.

Глава 3

Региональные различия положения русскоязычного населения

3.1. Гражданский статус населения

Принципиальным различием в решении вопроса о гражданстве населения между Литвой с одной стороны и Латвией и Эстонией с другой является то, что литовским Законом о гражданстве был реализован «нулевой вариант», т.е. все лица, проживавшие на территории Литовской ССР на законном основании, стали гражданами этой республики. Благодаря этому, гражданство Литвы имеют 99% населения. Доля граждан Российской Федерации, проживающих в Литве, составляет 0,3%, лицами без гражданства являются лишь 0,1% населения страны. Данные показатели остаются практически неизменными с 90-х гг. вплоть до начала 2010 г.

Принятые в Латвии (1994 г.) и Эстонии (1995 г.) законы о гражданстве вызвали появление значительных групп лиц без гражданства (Эстония) и неграждан (Латвия).

По данным Central Statistical Bureau of Latvia, на начало 2010 г. в стране проживало 1856,3 тыс. граждан Латвии (82,6% от общей численности населения), 343,3 тыс. неграждан (15,3%), 31,1 тыс. граждан России (1,4%) и 17,7 тыс. граждан других государств (0,7%).

Проблема безгражданства является практически полностью «русскоязычной» – почти 90% неграждан составляют русские, украинцы и белорусы. Каждые двое из пяти русских и каждые трое из пяти белорусов и украинцев, проживающих в Латвии, являются негражданами (табл. 9).

Доля неграждан в населении различных административных единиц Латвии колеблется от 3,2% (Талсинский район) до 34,5% (Лиепая). По результатам переписи населения 2000 г. наиболее велика доля неграждан в 6 крупнейших городах страны: Лиепая – 34,5%, Рига – 33,7%, Вентспилс – 31,8%, Даугавпилс – 29,1%, Юрмала – 28,7%, Елгава – 26,9%. В данных городах и прилегающих к ним соответствующих районах

проживало 407 457 или 82,4% всех латвийских неграждан, в Риге – 248 107 или $1/2$ всех неграждан.

Таблица 9

Национальный состав неграждан Латвии (2000 и 2007 гг.)

	Количество неграждан		Доля национальности среди неграждан (%)		Доля неграждан среди национальности (%)	
	2000	2007	2000	2007	2000	2007
Русские	393190	259651	66,84	66,10	55,61	40,16
Белорусы	74111	52382	12,60	13,33	75,63	61,31
Украинцы	54705	37171	9,30	9,46	85,54	64,32
Литовцы	17087	10933	2,90	2,78	50,87	35,23
Поляки	20114	13369	3,42	3,40	33,49	24,38
Латыши	4712	1851	0,80	0,47	0,34	0,14
Всего	588225	392816			24,6	17,20

Источник: Бузаев В. Неграждане в Латвии, Рига, 2007

В латгальских городах Даугавпилсе, Резекне, во всех районах Латгалии, а также в 8 районах граждан-нелатышей больше, чем неграждан. В 17 из 34 административных районов среди русскоязычного населения доминировали неграждане²⁸.

В Эстонии на начало 2006 г. по данным Департамента гражданства и миграции доля лиц без эстонского гражданства составляла 18% всего населения (10% всего населения были «лицами с неопределённым гражданством» (т.е. апатридами из числа бывших советских граждан), а 8% населения – гражданами иностранных государств, прежде всего России).

В абсолютных цифрах апатридов на начало 2007 г. было 125 799 человек. По результатам переписи населения 2000 г. значительная часть русских (38,0%), живущих в Эстонии, являлись лицами без гражданства, 40,4% русских имели гражданство ЭР и 20,9% – гражданство России.

В таблице 10 представлен национальный состав групп населения в зависимости от гражданского статуса. Более 78% из числа лиц без гражданства в Эстонии составляют русские. Среди граждан Эстонии доля русских составляет менее 13%,

притом, что их доля в общей численности населения выше в два раза.

Таблица 10

**Гражданство и национальность населения Эстонии,
2000 г., %**

	Граждане Эстонии	Граждане России	Граждане других стран	Лица без гражданства	Неизвестное гражданство
Всего	1095743	86067	8941	170349	8952
Эстонцы	922204	692	165	4896	2262
Русские	141907	73379	1048	133346	1498
Другие	29774	11581	7560	31554	267
Неизвестные	1858	415	168	553	4925
В %					
Эстонцы	84,2	0,8	1,8	2,9	25,3
Русские	12,9	85,3	11,7	78,3	16,7
Другие	2,7	13,4	84,6	18,5	3,0
Неизвестные	0,2	0,5	1,9	0,3	55,0

Источник: [Population and Housing Census, II..., 2001, p. 13]

Граждане Эстонии составляют менее половины населения таких городов, как Силламяэ (21,3%), Нарва (36,4%), Кохтла-Ярве (41,8%), Маарду (43,2%), Палдиски (43,2%), Локса (44,3%) и Нарва-Йыесу (47,2%). Большую часть населения этих городов составляют лица без гражданства и граждане России. Так, 42,7% населения Кохтла-Ярве являются лицами без гражданства и 13,4% – гражданами России (табл. 11).

Практически каждый третий житель Нарвы является гражданином России, что делает этот город уникальным.

Таблица 11

**Гражданство и место жительства населения Эстонии,
2000 г., %**

	Граждане Эстонии	Граждане России	Граждане других стран	Лица без гражданства	Неизвестное гражданство
Всего	80,0	6,3	0,7	12,4	0,6
Городское население	72,6	8,9	0,8	16,9	0,8
Тарту	91,0	3,5	0,6	4,4	0,5
Пярну	90,1	4,7	0,5	4,1	0,6
Таллин	71,1	8,7	1,2	18,0	1,0
Кохтла-Ярве	41,8	13,4	0,6	42,7	1,5
Нарва	36,4	28,9	0,4	33,6	0,7
Сельское население	95,2	0,9	0,2	3,3	0,4

Источник: [Population and Housing..., II, 2001, p. 12]

3.1.1. Тенденции изменения гражданского статуса населения

За период с 1993 г. по 2010 г. численность неграждан в Латвии сократилась в 2,6 раза (с 876436 до 343279 человек), а их доля в населении страны – с 34% до 15,3%. Количество неграждан среди русских уменьшилось в 2 раза, а доля неграждан в составе национальности упала с 61% до 38%.

На рис. 4 представлена динамика изменения численности неграждан в Латвии с 1996 г. по 2010 г. и оценочные данные до 2015 г. За последние 15 лет численность неграждан в среднем сокращается на 4,7% в год. При этом за прошедшие годы независимости со стороны властей страны не было сделано существенных шагов по решению проблемы безгражданства. При сохранении сложившихся темпов, уже через 16-18 лет количество неграждан станет сопоставимо с количеством неграждан, например, в Литве, и данная проблема решится

естественным путем без каких-либо действий со стороны Латвийского государства.

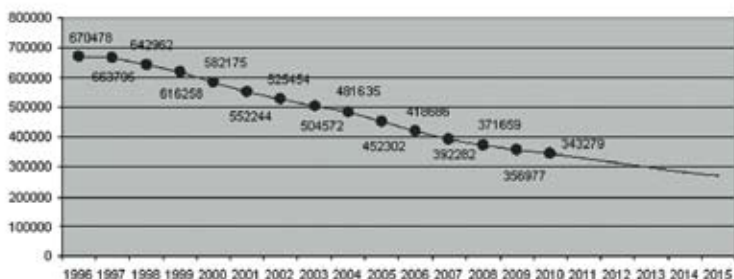

Рис. 4. Изменение численности неграждан в Латвии (1996-2010 гг.)

Составлено по: <http://www.csb.gov.lv/>

Сокращение безгражданства происходит за счет нескольких составляющих. По нашим расчетам, значительный, но не преобладающий вклад дает процесс натурализации: за период с 1997 по 2007 гг. ежегодный вклад натурализации в процесс сокращения безгражданства составлял 25-50%. Исключением являлись 2004 и 2005 гг. (70 и 65% соответственно), что объяснялось желанием неграждан получить гражданство с целью свободного перемещения по Евросоюзу или эмиграции туда после вступления Латвии ЕС в мае 2004 г. С 2008 г. на натурализацию стало приходиться около 14%. Среди натурализующихся подавляющее большинство составляют русскоязычные. Так, 12 января 2010 г. согласно распоряжению правительства гражданство Латвии в порядке натурализации было предоставлено 180 лицам, в том числе, 7 детям. Из 173 взрослых новоиспеченных граждан ЛР русские составляли 75%, белорусы – 10%, украинцы – 8%²⁹.

Следующий фактор снижения безгражданства – принятие российского гражданства: в течение последних 10 лет численность граждан России, проживающих в Латвии, ежегодно увеличивается на 1-2 тыс. человек. Исключением был лишь 2003 г., что, по-видимому, вызвано ужесточением российского законодательства о гражданстве (принятие в 2002 г. новой редакции закона о гражданстве), когда численность граждан РФ несколько уменьшилась за счет миграционного оттока. В процентном выражении принятие российского гражданства

дает от 3 до 7% сокращения неграждан, а за 2009 г. – 10%. Всего с 1996 г. по начало 2010 г. численность граждан России, проживающих в Латвии, увеличилась почти в 4 раза – с 8149 до 31113 человек.

Небольшой вклад приходится на естественную убыль неграждан, эмиграцию и в незначительной степени принятие гражданства других государств.

В Эстонии по состоянию на 20.03.2008 количество лиц без гражданства составляло 115672 человек (9 % населения), что в 1,5 раза меньше, чем в 2000 г. (170349 человек или 12,4%).

Сокращение безгражданства в стране происходит в силу тех же причин, что и в Латвии, но роль различных факторов отличается: здесь куда более значительную роль играет принятие российского гражданства. За период с 1992 г. по конец 2007 г. общее количество лиц, принявших российское гражданство в Эстонии, составило 147659 человек, что даже несколько превышает количество лиц, получивших за тот же период эстонское гражданство в порядке натурализации (147228 человек).

В связи с возросшим интересом к получению российского гражданства, посольство Российской Федерации в Таллине на своем сайте в марте 2008 опубликовало специальный пресс-релиз, в котором говорилось, что с августа 2007 г. по март 2008 г. количество обращений о приеме в гражданство РФ увеличилось по сравнению с аналогичным периодом 2006-2007 гг. более чем в 2 раза³⁰. «Анализ заявлений о приобретении российского гражданства показывает, что значительная часть ходатайствующих в качестве побудительного мотива называет «утрату доверия к эстонским властям и эстонской демократии» после событий апреля 2007 г., а также открывшиеся возможности беспрепятственных поездок и трудоустройства в России и Европе после присоединения Эстонии к Шенгенскому пространству», – говорилось в пресс-релизе. Другим важным показателем стало «омоложение» ходатайствующих. «Если раньше гражданами России хотели стать преимущественно люди среднего и старшего возраста, то за последние 6-7 месяцев значительно выросло число людей в возрасте 20-35 лет, подающих заявления на получение российского гражданства. Растет и число эстонских русскоговорящих граждан, желающих сменить имеющееся гражданство на российское», – отмечало посольство.

Динамика темпов натурализации в Латвии и Эстонии представлена на рис. 5. Предварительно, необходимо отметить, что пики приема в гражданство на год отстают от пиков подачи заявления, что связано с примерно годичным сроком рассмотре-

ния заявлений, включая проверку биографии натурализуемого на соответствие требованиям закона³¹ и сдачу экзаменов по государственному языку и на знание Конституции. В Эстонии наибольшее число представителей нетитульного населения стали эстонскими гражданами в 1993-1996 гг., когда процедура получения гражданства была относительно проста. В этот период эстонское гражданство ежегодно получали в среднем 20 тыс. человек. Начиная с 1999 г., темпы натурализации значительно снизились до 3-4 тыс. человек в год. В Латвии пик 2000 г. связан с результатами референдума 1999 г., когда были отменены ограничения системы «окон». Пик 2004-2005 гг. в обеих странах связан с вступлением Латвии и Эстонии в Евросоюз. Последующий резкий спад обусловлен тем, что депутат Европарламента от Латвии Татьяна Жданок сумела добиться безвизового режима в рамках ЕС для неграждан, а с середины 2008 г. негражданам не требуются визы и для въезда в Россию.

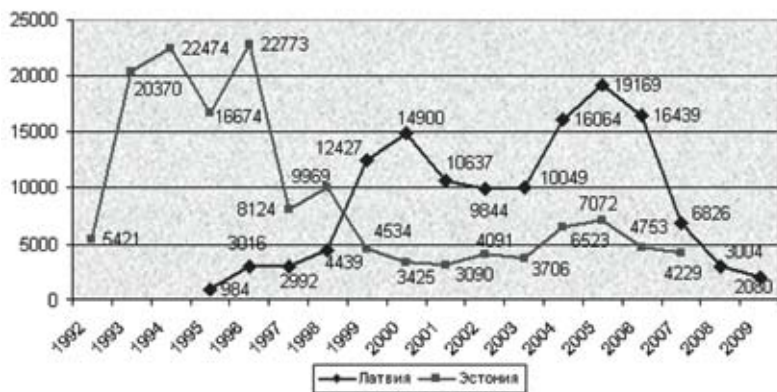

Рис. 5. Темпы натурализации в Латвии и Эстонии (человек)

Источник: <http://www.vm.ee/?q=node/8449/8953> (Министерство иностранных дел ЭР); «Гражданство ЛР получили еще 180 человек», rus.DELFI.lv, 12 января 2010

3.1.2. Различия в правах

Как в эстонских, так и в латвийских законах зафиксированы различия в правах в зависимости от гражданского статуса жителей. Над перечнем различий в правах граждан и негражд-

дан Латвии, закрепленных в многочисленных актах органов власти различного уровня, начиная с осени 1991 г. работали бывшие и нынешние руководители Латвийского комитета по правам человека (ЛКПЧ) – В.Бузаев, А.Димитров, Т.Жданок, Г.Котов, Л.Райхман. С сентября 1999 г. исследованию был придан мониторинговый характер, в котором фиксировались как действующие, так и утратившие силу различия.

В настоящее время в Латвии зафиксировано 70 различий в правах граждан и неграждан, которые В.Бузаев³² классифицирует следующим образом:

ограничения на занятие должностей в различных секторах (в государственном, частном и общественных секторах) – 19, 8 и 11 различий соответственно;

ограничения права на собственность – 9 различий;

ограничения на занятие частным предпринимательством – 6 различий;

социальные права – 3 различия;

другие права – 14 различий.

По мнению В.Бузаева, «многочисленные ограничения для неграждан на право занятия должностей в государственном секторе лишь в некоторых случаях отвечают принципу соразмерности. В ряде случаев ограничения касаются не только руководителей служб, но и рядовых работников (например, в службе государственных доходов или в отделах регистрации актов гражданского состояния). Ограничения касаются и массовых профессий: полицейские, пожарные, охрана мест заключения. В ряде случаев ограничения явились орудием массовой кадровой чистки, причем через много лет (для охраны мест заключения – через 8, для службы госдоходов – через 10) после достижения независимости»³³.

«Как правило, – подчеркивает В.Бузаев, – кроме неграждан соответствующие должности не могут занимать и граждане ЛР с ограниченной дееспособностью, совершившие уголовные преступления, сотрудничавшие в прошлом с КГБ или активисты КПСС в период ее легальной деятельности. Всего таких оскорбительных для неграждан и способствующих разжиганию межнациональной розни ограничений в разных сферах насчитывается 22, или более 30% всех ограничений»³⁴.

Вызывает недоумение тот факт, что после вступления Латвии в ЕС ряд занятий (всего 13), по-прежнему недоступных для неграждан Латвии, стал доступным для граждан ЕС. В частности, это касается права выставлять свою кандидатуру и голосовать на местных выборах, что разрешено гражданам ЕС

с полугодовым стажем проживания в Латвии. Но по-прежнему запрещено негражданам, не менее 40% которых являются местными уроженцами, а большинство остальных проживания в стране более 30 лет. «Такие преимущества, данные иностранцам по отношению к местным жителям, – отмечает В.Бузаев, – в значительной степени дискредитируют как многочисленные зарубежные рекомендации об уменьшении различий в правах, так и Европейский союз в частности, равно как и европейские принципы демократии вообще»³⁵.

Другим примером двойных стандартов мирового сообщества по отношению к латвийским негражданам служит огромное число международных двухсторонних договоров, которыми неграждане дискриминируются уже на территориях соответствующих стран. Среди стран, подписавших с Латвией дискриминирующие неграждан международные договора, имеются и страны этнического (и физического) происхождения подавляющего большинства неграждан (Россия, Украина, Беларусь).

Принципиальным и основополагающим различием в правах латвийских граждан и неграждан является лишение последних избирательных прав на всех уровнях. Международные наблюдатели неоднократно характеризовали данную ситуацию как «долговременный дефицит демократии в Латвии».

Единственным существенным отличием положения неграждан в Эстонии является то, что в Эстонии лица без эстонского гражданства могут голосовать (но не избираться) на муниципальных выборах. В парламентских и в выборах Европарламента они, как и в Латвии, не участвуют.

3.2. Социальное положение населения

3.2.1. Уровень жизни и занятость населения

В Эстонии существует значительная территориальная дифференциация величины заработной. В 2009 г., как и в предыдущие годы, самый высокий уровень заработной платы был зафиксирован в Таллине (14072 кроны ≈ 900 евро), что в 1,6 раза превышает значение уезда с наименьшей зарплатой (Валга – 8979 крон ≈ 574 евро). На Северо-Востоке средняя месячная зарплата составляет 9964 кроны (≈ 637 евро), что в 1,2 раза ниже среднеэстонского значения.

Между регионами Эстонии существует значительная разница в соотношении богатого и бедного населения (рис. 6). В Северной Эстонии (уезд Харьюмаа и Таллин) традиционно

высока концентрация богатого населения – 55% местных жителей относятся к 4-му и 5-му квинтилям (богатое и самое богатое население). На Северо-Востоке ситуация противоположная – большинство население является бедным – почти 60% местных жителей относятся к 1-му и 2-му квинтилям (бедное и самое бедное население). Доля жителей Северо-Востока, относящихся к самым богатым, минимальная из всех регионов страны – 8,4%. Отметим, что данные соотношения наблюдаются с начала 2000-х гг. и до настоящего времени.

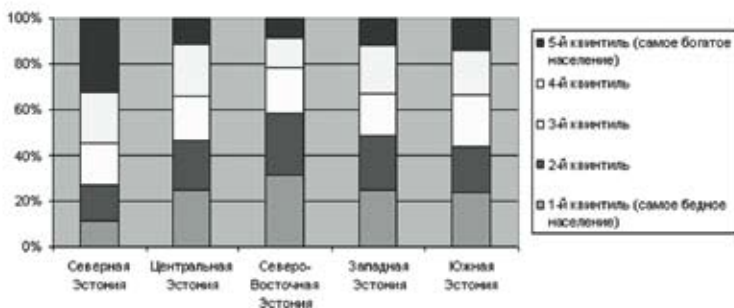

Рис. 6. Распределение по квинтилям населения регионов Эстонии, 2008 г.

Составлено по: данные Департамента статистики Эстонии, www.stat.ee

Со времени обретения независимости рынок труда Эстонии претерпевает постоянные изменения. Уровень безработицы, увеличившись к 2000 г. до 13,6%, к 2007 г. снизился до 4,7%. Начавшийся мировой экономической кризис вызвал стремительный рост безработицы – в 2009 г. она составила 13,8%, что является самым высоким показателем за все годы независимости.

С начала 2000-х гг. резко возросло количество безработных, которые находятся на учете в службах занятости уже длительное время. Если в 1995 г. людей, бывших безработными более года было 31,7%, то в 2002 г. их стало почти 53%. Это означает, что около 35,5тыс. человек пытались найти работу, но не нашли её в течение года. В сентябре 2010 г. Мэр Таллина Эдгар Сависаар, выступая на открытии ярмарки «Таллинн трудится», констатировал, что в стране чудовищными темпами растет долговременная безработица. По его словам, процент

людей, не работающих больше 12 месяцев, достиг рекордного уровня. «Осмелюсь предположить, – сказал таллиннский градоначальник, – что через год-полтора число безработных, не работающих более 24 месяцев, также будет рекордным»³⁶. В связи с тем, что человек долгое время находится без работы, он теряет квалификацию, а, следовательно, ему сложнее снова трудоустроиться.

Особенно остро стоит проблема молодежной безработицы. В 2004 г. уровень безработицы среди молодёжи (15-24 года) достиг 21,7%, а среди людей предпенсионного возраста (50-74 года) – всего 7,2%, что ниже среднего показателя по стране. В связи с увеличением продолжительности трудовой деятельности доля людей предпенсионного возраста, участвующих на рынке труда, возросла, что усложняет положение на рынке и затрудняет трудоустройство молодёжи. Опросы молодёжи показывают, что безработным можно стать сразу после окончания школы, даже если имеется специальность. А это означает, что система профессиональной подготовки требует реорганизации и приведения её в соответствие с требованиями рынка.

На фоне общереспубликанской ситуации на рынке труда, наблюдаются значительные колебания на региональном уровне. Уровень безработицы по отдельным регионам республики различается почти в два раза. Статистические данные свидетельствуют о том, что уже в течение длительного времени самый высокий уровень безработицы наблюдается на Северо-Востоке Эстонии, где компактно проживает русскоязычное население. Так, в 2009 г. в Ида-Вирумаа он составил 18,1%, в то время как в Пярнусском уезде – 10,6%.

На протяжении последних лет существует значительная разница в уровне безработицы между эстонцами и неэстонцами. В 2002 г. безработица среди неэстонцев составила 14,9%, а среди эстонцев – 7,9%. Кроме того, безработица среди неэстонцев постоянно выше, чем среди всего населения, а среди эстонцев – ниже (рис. 7).

В Эстонии было проведено исследование, целью которого было изучить положение на рынке труда эстонцев и неэстонцев. Социологи выделили в пределах каждой образовательной группы неэстонцев с хорошим знанием эстонского языка и сравнили их уровень безработицы с тем, что наблюдался у эстонцев.

В целом по республике среди лиц с низким уровнем образования существенной разницы не наблюдалось. Однако, среди обладателей специального и высшего образования разница в уровне безработицы была в среднем в два раза (соответствен-

но 6 и 2% у эстонцев против 11 и 5 % у неэстонцев, хорошо владеющих эстонским языком). Исследование показало, что в Таллине среди неэстонцев, хорошо владеющих государственным языком, уровень безработицы в 1,5-4 раза выше, чем у эстонцев с аналогичным уровнем образования: у неэстонцев хорошо владеющих эстонским языком с основным образованием уровень безработицы достигает 32% при 20% у эстонцев с основным образованием, а у лиц с высшим образованием соответственно 8 и 2%³⁷.

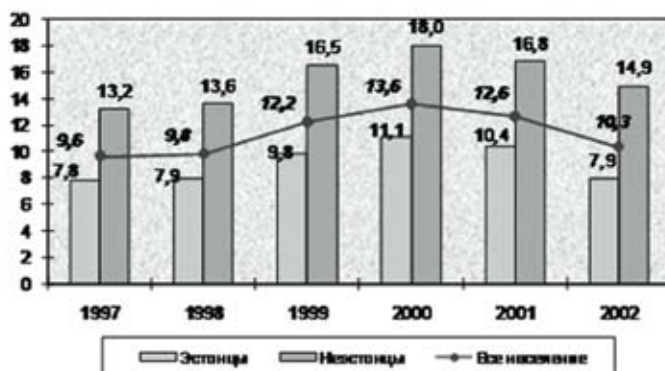

Рис. 7. Уровень безработицы среди эстонцев и неэстонцев, %

Составлено по: данные Департамента статистики Эстонии, www.stat.ee

Можно сделать вывод, что хорошее владение эстонским языком неэстонцами не обеспечивает им равных с эстонцами возможностей на рынке труда, и что высокий уровень образования неэстонцев не является гарантией трудоустройства.

В Латвии величина заработной платы также существенно варьируется по территории страны. За 2009 г. средняя величина зарплаты в Латгалии составила 320 лат (\approx 455 евро), что в 1,4 раза ниже, чем по стране в целом и в 1,7 раза ниже, чем в Риге. Характерно, что такое соотношение наблюдается уже более 10 лет.

Как свидетельствуют данные Центрального статистического управления (ЦСУ) Латвии о самооценке материального положения домашних хозяйств, в 2003 г. к бедным себя относили 9,1% домохозяйств, 30,8% считали, что находятся на грани бедности. Чуть более половины – 52,6% – домохозяйств

считали себя не богатыми и не бедными и только 7,3% домохозяйств оценивали свое материальное положение как хорошее. Зажиточными себя считали всего 0,1% латвийских домохозяйств. Однако, самооценка домашних хозяйств – показатель субъективный. То есть, если домохозяйство не относит себя ни к бедным, ни к богатым, то не следует относить его к среднему классу. Зачастую такую самооценку дают домохозяйства, вынужденные мириться с материальным положением, которое не является хорошим, но и не считается на грани нищеты.

Самооценка домашними хозяйствами своего материального положения в разных регионах Латвии различается. В целом она выше у домохозяйств в Видземе и Земгале. В этих регионах удельный вес домохозяйств, не относящих себя «ни к бедным, ни к богатым» или к «не богатым, но живущим хорошо», превышает средний показатель по Латвии в целом. Плачевнее всего оценивают свое материальное положение домохозяйства в Латгалии: 13% домохозяйств оценивают себя как бедные, 33% – как стоящие на грани бедности. В Рижском регионе к бедным себя относят 8,7% домохозяйств, хотя анализ уровня доходов показывает, что именно в этом регионе у домохозяйств самые большие доходы. Это можно объяснить сравнительно большей неоднородностью в распределении доходов домохозяйств в этом регионе.

Вплоть до 2009 г. Латгалия стабильно «лидировала» среди регионов Латвии по уровню безработицы. В 2002 г. он составил в Риге 11,1%, в Латгалии 17,1%, в 2005 г. в Риге – 7,7%, в Латгалии – 13,0%, в 2007 г. в Риге – 5,9%, в Латгалии – 8,2%. В 2009 г. произошел резкий всплеск уровня безработицы – по всем регионам Латвии он вырос в 2-2,5 раза и впервые за последние годы регион Земгале «обогнал» Латгалию по уровню безработицы. Безусловно, это не может расцениваться как положительный момент, поскольку в Латгалии безработица составила 17,6%, в Земгале – 19,7%.

Еще в начале 2000-х гг. в Латвии встала проблема долговременной безработицы. Так, в 2004 г. количество людей, неспособных найти работу в течение периода дольше, чем один год составило 23,6 тыс. человек или 26,1% общего количества безработных (23,7 тыс. человек или 26,4% 1 января 2003 г.). Последствия мирового экономического в виде стремительного роста безработицы в целом только усугубили эту проблему. Также в стране остро стоит проблема молодежной безработицы – после окончания учебы многим выпускникам сложно найти работу.

Недостаточное владение латышским языком и запрет на ряд профессий для неграждан повлияли, видимо, на тот факт, что доля безработных-нелатышей на тысячу жителей примерно на $\frac{1}{3}$ выше, чем среди латышей.

Территориальная дифференциация уровня доходов, наблюдаемая в Литве, принципиально отличается от таковой в Эстонии и Латвии. Если в последних для районов проживания русскоязычного населения характерен низкий уровень доходов, то Утенский район Литвы по уровню доходов (1069 литов \approx 309 евро в 2002 г.) уступает только Вильнюсскому (1180 литов \approx 342 евро) и превышает среднее значение по стране (1014 литов \approx 294 евро).

Аналогичное можно сказать и об уровне безработицы: в отличие от Латвии и Эстонии, в Литве не наблюдается прямой зависимости между высокой концентрацией русскоязычного населения и высоким уровнем безработицы. Так, в Утенском районе уровень безработицы в 2009 г. был равен 10,0%, притом, что в некоторых других районах страны он превышал 17%, причем такая ситуация наблюдается уже более 10 лет.

3.2.2. Проблема наркомании

В середине 90-х гг. в Латвии и Эстонии остро встала проблема наркомании, причем количество наркоманов увеличивается с каждым годом. В Эстонии употребление героина преимущественно и непропорционально распространено среди представителей русскоязычного меньшинства: около 90% героиновых наркоманов в стране – это русскоязычные. Это один из выводов, сделанных ирландским ученым П. Даунсом в работе «Жизнь с героином. Идентичность, социальное отторжение и распространение ВИЧ среди русскоязычного меньшинства в Эстонии и Латвии». Утверждение о том, что проблема наркомании затрагивает преимущественно русскоязычное население, подтверждается данными Министерства юстиции ЭР: в 1998 г. 82% наркозависимых, содержащихся в эстонских тюрьмах, являлись русскоязычными.

Согласно результатам интервью с наркозависимыми (1997 г. и 1998 г.), проживающими в местах наибольшего скопления русскоязычных (Ида-Вирумаа и некоторые районы Таллина), 45% наркозависимых начали принимать наркотические вещества в возрасте от 14 до 20 лет.

Более того, в 80% случаях 15-24-летняя молодежь, проживающая в этих районах, оказывается ВИЧ-положительной³⁸.

Таким образом, проблема наркомании наиболее актуальна для русскоязычной молодежи.

По неофициальным данным в Латвии в 2001 г. проживало примерно 25-30 тыс. лиц, принимающих героин. По неофициальной статистике латвийских центров лечения наркозависимости, большинство находящихся на лечении принадлежат к русскоязычному меньшинству. В Латвии наркотические вещества начинают принимать в очень раннем возрасте: в 2000 г. 41% из всех зарегистрированных наркоманов, находящихся на лечении, не достигли 19 лет, чрезвычайно большая доля – 22% – младше 15 лет. Для сравнения надо отметить, что в других странах ЕС возраст, в котором начинают принимать наркотики значительно выше.

К употреблению наркотиков русскоязычную молодежь в Латвии и Эстонии толкает социальная неопределенность: безработные родители и такая же перспектива для молодежи, незнание государственного языка и т.п. Одной из главных причин высокого уровня наркомании среди русскоязычной молодежи школьного возраста, являются сложности в обучении на неродном языке, которые в свою очередь являются причиной раннего ухода из школы.

По мнению П.Даунса, в Эстонии и Латвии, существует некий политический вакуум в отношении лечения зависимых от героина подростков в связи с тем, что подходы, принятые в Европейском Союзе, доступны лишь тем, кому исполнилось 18 лет. В последние годы существенно сократилось финансирование эстонским государством лечения наркозависимости, притом что суммы, выделяемые ранее, и так были весьма скромными.

Распространение наркомании напрямую связано с распространением ВИЧ: преимущественно наркозависимые, принимающие наркотики внутривенно, становятся ВИЧ-инфицированными. Также как и наркомания, ВИЧ непропорционально затрагивает русскоязычное меньшинство в Латвии и особенно в Эстонии. Так, в Латвии в 2001 г. из всех зарегистрированных случаев ВИЧ 63% приходилось на русских, притом что их доля в населении ниже более чем в 2 раза³⁹.

В 2001 г. в Латвии было зарегистрировано в 10 раз больше новых случаев инфицирования ВИЧ, чем в Литве. В 2001 г. в Эстонии было зарегистрировано в 20 раз больше новых случаев инфицирования ВИЧ, чем в Литве. Учитывая, что населения Литвы больше чем в 2 раза превышает население Эстонии, можно сказать, что в Эстонии на душу населения число новых

инфицированных в 2001 г. было в 40 раз выше, чем в Литве. В 2000-2001 гг. число случаев инфицирования ВИЧ в Эстонии увеличилось почти в 4 раза, в Латвии почти в 2 раза, однако в Литве число новых случаев было весьма незначительным, причем общее число и до этого было намного меньше.

Для более наглядной картины можно отметить, что показатели ВИЧ на душу населения в Эстонии выше, чем где-либо в Восточной и Западной Европе. Случаи ВИЧ среди русскоязычного населения Эстонии намного более распространены, чем среди всего населения Калининграда, где на начало 2000 г. сложилась наихудшая ситуация среди 14 зараженных ВИЧ регионов России.

3.3. Русский язык в системе образования и средствах массовой информации

3.3.1. Образование

К настоящему времени положение русского языка в Прибалтике оказалось очень сложным. С одной стороны, он до сих пор для многих в регионе играет роль языка межнационального общения. С другой стороны, ситуация через поколение может резко измениться, поскольку идет процесс разрушения русскоязычного пространства. В результате внедрения языка титульных наций в качестве единственного государственного русский язык постепенно вытесняется из общественно-политической жизни, области культуры, средств массовой информации. Одной из острейших проблем в сфере функционирования русского языка в Прибалтике является демонтаж системы образования на русском языке. Проблема использования родного языка является одной из наиболее острых для русскоязычного населения, так как затрагивает национальную идентичность людей.

Латвия. Русский язык в стране исключен из официального употребления и используется лишь в быту и при личном общении. Закон «О государственном языке» 1999 г. предусматривает использование исключительно латышского языка во всех органах власти и при обращении в любое государственное и муниципальное учреждение, даже в местах компактного проживания русскоязычного населения.

В 2001 г. Кабинетом Министров Латвии была принята государственная программа интеграции общества. При этом, что программа развивает различные направления интеграции

(в частности, социальную, региональную), важнейшим из всех направлений программы выступает этническая интеграция. Во всех разделах программы проводится принцип объединения общества на основе государственного языка и изучения латышской культуры. Для сохранения культуры и языков национальных меньшинств в программе ничего конкретного не предложено. Концепция интеграции исходит из положения, что в Латвии существует общество, состоящее из латышей, и некая группа представителей других национальностей, которую надо включить в общество на основе восприятия ими ценностей, присущих этому существующему исключительно из латышей обществу. Возникает вопрос: не происходит ли подмены интеграции ассимиляцией? Как известно, интеграция – это процесс объединения индивидуумов в новую систему, объединяющую элементы ценностей разных этнических групп, а ассимиляция – это отказ, зачастую насильственный, одной группы от своих культуры в пользу другой группы. Таким образом, можно говорить о том, что в Латвии государственный язык используется как средство ассимиляции. Под видом интеграции общества в Латвии проводится принудительная ассимиляция нацменьшинств, поскольку нарушаются важнейшие принципы интеграции.

Программа интеграции была составлена в соответствии с законом «Об образовании», принятым 29 октября 1998 г. Закон предусматривал, что с 1 сентября 2004 г. обучение в десятых классах средних общеобразовательных учебных заведений, а также на первых курсах профессиональных учебных заведений начинает осуществляться только на государственном языке. В отношении высших учебных заведений закон вступил в силу в 1999 г., в отношении среднего образования – в 2004 г.

Массовые акции протеста⁴⁰ против «Реформы-2004» в конечном итоге все же привели к тому, что положение закона «только на государственном» сначала было заменено на процентное соотношение 60/40 (латышский язык – 60 процентов учебного времени и русский язык – 40 процентов), затем – на 90/10, а потом – вновь на 60/40. По мнению В.И.Гущина, «установилось вынужденное, не удовлетворяющее ни одну из сторон «равновесие», которое, безусловно, можно рассматривать как относительную победу демократической оппозиции, позволившую хотя бы формально сохранить русскую школу. Но победа эта, увы, носит относительный характер, так как механизм разрушения русской школы был запущен и пока ничто не свидетельствует о том, что этот механизм может быть остановлен»⁴¹.

В частных школах языковых ограничений не существует, но обучение в них очень дорогое и мало кому доступно. К тому же, в законе об образовании говорится, что государство оказывает помощь частным школам лишь в том случае, если языком обучения в них является латышский. То есть русские частные школы не вправе получать помощь от государства и от самоуправления.

За годы независимости в языковой структуре образования произошли разительные перемены. С начала 90-х гг. вплоть до 2003 г. шел активный процесс увеличения количества школьников обучающихся на латышском языке, при уменьшении количества школьников обучающихся на русском, украинском и других языках. Затем и количество учеников на латышском языке стало уменьшаться, что связано с демографической ситуацией в стране. За эти годы количество обучающихся на русском языке сократилось на 80 тыс. человек, или в 2,6 раза. Накануне распада Союза около 53% школьников обучалось на латышском языке и более 46% – на русском, т.е. можно было говорить о паритетном положении языков в системе школьного образования. В 2009/2010 учебном году на русском языке получали образование всего лишь $\frac{1}{4}$ латвийских школьников (рис. 8). Очевидно, данная тенденция сохранится и в будущем.

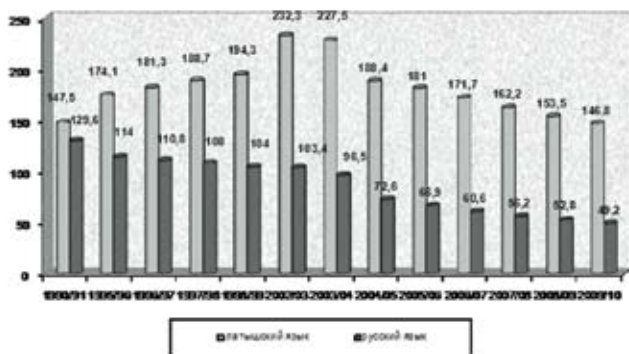

Рис. 8. Учащиеся в общеобразовательных средних школах на латышском и русском языках (тыс. чел.)

Составлено по данным: Central Statistical Bureau of Latvia www.csb.lv

Несмотря на сокращение количества учеников, обучающихся на латышском языке, количество школ с латышским языком

увеличивается: в 1998/99 учебном году таких школ было 728, а в 2007/08 учебном году уже 772, т.е. дополнительно начали работу еще 44 школы. За этот же период количество русских школ в Латвии сократилось со 195 до 119 (минус 76 школ), а двухпоточных (латышско-русских) школ – со 145 до 93 (минус 52). Итого, стало меньше на 128 школ, в которых обучение велось на русском языке.

В начале 90-х гг. главной причиной уменьшения обучающихся на языках национальных меньшинств было резкое сокращение численности русскоязычного населения вследствие миграционного оттока русских. В настоящее время главной причиной является перевод школ национальных меньшинств на латышский язык обучения в свете проводимой в стране реформы школьного образования, направленной фактически на ликвидацию образования на языках нацменьшинств. Этому процессу способствует и так называемая «оптимизация» образовательных учреждений, под видом которой в 2003 г. было закрыто шесть русских школ. Следует отметить, что в ряде районов (Кулдигском, Лиепайском и Вентспилсском) отсутствуют не только русские, но и двухпоточные (латышско-русские) школы.

В Риге в 2003/2004 учебном году свыше 52% школьников, или более 49 тысяч детей, учились на русском языке. На латышском языке осваивали знания более 44 тысяч, или примерно 47% детей. Самая большая доля школьников, учащихся на русском языке, в Даугавпилсе – более 80% детей, или 12 110 учащихся. На государственном языке в этом городе обучаются 6,7% детей, или 2525 учащихся. Больше половины школьников обучаются на латышском языке в Елгаве, Юрмале, Лиепае и Вентспилсе.

Для перехода на латышский язык обучения в Латвии была выбрана модель билингвального образования. В книге «Основы билингвизма и билингвального образования» британского специалиста в данной области К.Бейкера предложено сравнение различных стратегий билингвального образования, для каждой из которых указаны цель и результат. Например, погружение в язык, т.е. обучение по всем предметам на неродном языке. Целью такой модели является ассимиляция учащихся; результатом – монолингвизм. После такого обучения ребенок теряет свою национальную идентичность и забывает про родной язык как средство познания и даже общения. Существует и модель сохранения языков нацменьшинств, в рамках которой осуществляется билингвальное образование с доминированием родного

языка. Результатом такого образования является двуязычие детей и достигается цель – мультикультурность и интеграция общества. В Латвии была выбрана переходная модель, целью которой является ассимиляция учащихся школ нацменьшинств, а результатом – монолингвизм. На родном языке эти дети будут говорить иногда, главным языком общения станет латышский язык.

Минобразования Латвии внедряет в школах билингвальное образование без разработанных методик, без предварительной подготовки учителей, без необходимых пособий. Поэтому чаще всего билингвальное обучение сводится к механическому замещению русского языка латышским. Результаты проведенного в Риге в 2002 г. анкетирования показали, что если в 5-х классах трудности с билингвальным обучением испытывают 15% учащихся, то в 6-х классах эта цифра возрастает до 80%. Увеличивается и без того немалое время на подготовку домашних заданий. Если раньше ученик 7-го класса тратил на приготовление уроков в среднем 2,5 часа в день, то после введения билингвального преподавания – на час-полтора больше⁴²].

Сторонниками реформы был предложен вариант выпуска двух комплектов учебников, чтобы ученик, неспособный понять, что учитель говорит по-латышски, имел возможность прочитать это в книге на родном языке. Однако, такой вариант может привести к тому, что ученик, прослушав в школе урок на латышском и плохо поняв, должен будет дома тоже самое еще раз читать на родном языке. Это только увеличит нагрузку на учеников-нелатышей, у которых она и так выше в связи с интенсивным изучением латышского языка, что, в свою очередь, увеличит разрыв в успеваемости между латышами и представителями нацменьшинств.

В заключении, составленном независимыми экспертами по заказу Фонда Сороса в рамках проекта «Билингвальное образование в Латвии: международная экспертиза» даётся следующая оценка билингвального образования: «Официальная политика (Латвийского правительства) не указывает, на каком уровне должны быть сохранены этнический родной язык и идентичность. Главный интерес реформы – владение латышским языком. При этом характер осуществляемого в Латвии переходного компонента в билингвальном образовании таков, что он может разрушить цели сохранения и обогащения языка меньшинства».

Большинство людей, именующих себя билингвами, на самом деле часто одинаково плохо владеют обоими языками – и русским, и латышским. Возможен другой вариант: люди

оказываются между культурами – уже не русские, но еще не латыши. С точки зрения психологии, эти побочные эффекты билингвизма являются его неизменными спутниками⁴³. Есть трудность иного рода. По мнению финских исследователей, билингвизм является фактором, осложняющим психологическую ситуацию человека. Потому что он, как правило, сопровождает политическую специфику. В общей массе переход с языка большого народа на язык малого народа всегда сопровождается психологическими надломами.

Есть интересный аспект в изучении латышского языка русскими. Французский психолингвист Реви разработал шкалу трудностей европейских языков, в которой 14 ступеней. Эталоном выбрана латынь. Английский занимает 10-е место, русский 12-е, а балтийские языки наряду с финноугорскими стоят на 14-м месте. Таким образом, латышам объективно легче учить русский, потому что он проще. Необходимо отметить, что богатство языка и его структурное состояние – разные вещи. В основе этого изучения лежат более 80 факторов⁴⁴.

Чтобы перейти на билингвальное обучение недостаточно, чтобы все преподаватели говорили по-латышски. Одно дело знать латышский язык, строго соответствуя формальным требованиям, и совсем другое – преподавать на нем. Для этого необходимо не просто хорошее знание, а чтобы латышский был родным языком. Нужно быть билингвом от природы, а таковых в Латвии крайне мало.

В сфере изучения русского языка в латышских школах как иностранного наблюдается следующая тенденция: русский язык прочно занимает второе место после английского, оставляя за собой немецкий и французский. В последние годы отмечается медленный, но стабильный рост числа желающих изучать русский язык (в 2001 г. экзамен по русскому языку сдавали 5 тыс. учащихся).

Получить высшее образование на русском языке в Латвии возможно только в негосударственных вузах. Лидирующее место здесь занимает Балтийский русский институт, имеющий несколько филиалов (в 2002 г. в нем обучалось около 5 тыс. человек). Всего же в Латвии в 2002 г. на русском языке получали высшее образование 11965 человек.

Литва. Согласно закону «О государственном языке» (1995 г.) литовский язык является единственным официальным средством общения.

Число граждан Литвы, владеющих русским языком, постепенно сокращается. Также идет сокращение количества

учащихся в школах на русском языке. В начале 90-х гг. основной причиной сокращения было уменьшение численности русскоязычного населения вследствие миграционного оттока. Сейчас же дает свои результаты политика, направленная на формирование непривлекательного образа русской школы как лишенной какой-либо перспективы. И, как следствие, русскоязычные родители делают выбор в пользу литовского языка обучения.

Согласно статистическим данным, если в 2000/2001 учебном году на русском языке обучались 41 тыс. школьников (7,06% от общего числа школьников), то к 2007/2008 учебному году их численность сократилась до 16 тыс. (4,2%), или в 2,5 раза. За этот же период количество русских школ сократилось с 69 до 41. Для сравнения: в 1990/1991 учебном году среди 2040 общеобразовательных школ в Литве (501740 учащихся) было 85 русских школ и 103 смешанные школы с русскими классами, всего на русском языке обучались 76 тыс. учеников, или 15,1%.

В последние годы намечается тенденция к возврату интереса к русскому языку, который в литовских и смешанных школах прочно занимает место второго иностранного языка после английского. По данным на 2006 г. 73 % учащихся выбрали для изучения русский язык как второй иностранный. После сильного спада в начале 1990-х количество изучающих русских поднялось и стабилизировалось на достаточно высоком уровне. Показательно, что Министерство образования и науки ЛР проводит республиканские школьные олимпиады по русскому языку.

В Литве прекращена подготовка учителей-предметников на русском языке. В нескольких университетах сохранились кафедры или отделения славянской филологии, но отдельно – русской филологии – не осталось. В 2007 г. кафедра русской филологии Вильнюсского университета отметила свое 200-летие и была реорганизована с массовыми увольнениями преподавателей. В настоящее время на такие кафедры в основном поступают литовцы, не владеющие русским, но в школы они работать не идут. Таким образом, высшее образование на русском языке с дипломом государственного образца в Литве можно получить лишь на филологических факультетах Вильнюсского университета, Вильнюсского педагогического университета и в Шяуляйском университете по специальностям русский язык и русская литература.

Эстония. Закон «О языке» 1995 г. низвел статус русского языка до статуса иностранного и предусматривает использо-

вание только эстонского языка во всех органах власти и при обращении в любое государственное учреждение, в том числе, в местах компактного проживания русскоязычного населения.

В соответствии с Законом «Об основной школе и гимназии» (1993 г.) и внесенными в него поправками, в 2007 г. в Эстонии началась реформа русских школ. Главной задачей этой реформы является постепенный переход на обучение на эстонском языке. С 1 сентября 2007 г. русские гимназии начали частичный переход к преподаванию на государственном языке с курса эстонской литературы в 10-х классах. В каждый последующий учебный год в программу русских гимназий министерство образования вводит по одному предмету на эстонском языке.

В ноябре 2007 г. Правительство Эстонии внесло поправки в «Государственную программу обучения для основной школы и гимназии», в соответствии с которыми с 2011 г. до 60% предметов будет преподаваться в русских гимназиях на государственном эстонском языке. Таким образом, с 2011 г. в русских гимназиях на эстонском языке будут преподаваться эстонская литература, обществоведение, география, музыка и история Эстонии.

Темпы реформирования от года к году возрастают и стимулируются Министерством науки и образования – за опережение планов школы материально поощряют. Очевиден отрицательный момент в этом процессе: с целью получения дополнительного финансирования школы без должной подготовки вводят новые предметы на эстонском языке.

Согласно результатам исследования «Готовность школ с русским языком обучения к переходу на эстоноязычное гимназическое образование», проведенного в Эстонии в 2009 г. по заказу Министерства образования и науки, 58% учителей и 41% учеников огорчены тем, что происходит в школе в связи с реформой, и столько же гимназистов не испытывают ничего – ни горя, ни радости. Довольны происходящим 21% учителей и 18% учеников. Полностью удовлетворены темпами реформы 27% учителей и 34% учеников. Зато 66% учителей и 56% учеников полагают, что реформирование происходит слишком поспешно. А вот полагают, что с реформами уже опоздали 7% учителей и 10% учеников⁴⁵.

В 2009/2010 учебном году количество общеобразовательных школ с русским языком обучения составило 63, или 11,3% от общего количества школ в Эстонии. Смешанных эстонско-русских школ в стране насчитывается 35 (таблица 12). Подавляющее

большинство русских школ находятся в городах, что соответствует особенностям расселения русскоязычного населения.

Таблица 12

Количество школ с различными языками обучения

Учебный год	Эстонский язык обучения	Русский язык обучения	Смешанные (эстонско-русские) школы	Общее количество
1997/1998	596	111	23	730
1998/1999	594	110	18	722
1999/2000	586	104	16	706
2000/2001	566	100	19	685
2001/2002	542	93	19	654
2002/2003	526	89	21	636
2003/2004	519	85	21	625
2004/2005	502	81	20	603
2005/2006	493	80	25	598
2006/2007	485	76	24	585
2007/2008	479	69	25	573
2008/2009	473	65	28	566
2009/2010	460	63	35	558

Составлено: по данным Департамента статистики ЭР, <http://www.stat.ee>

С 1997/1998 учебного года по 2009/2010 количество школ с русским языком обучения сократилось на 43%. В стране сокращается количество не только русских школ, но и эстонских, причиной чего является уменьшение количества детей вследствие низкой рождаемости, как у титульного населения, так и у представителей нацменьшинств. За указанный период увеличилось только количество смешанных школ как результат перехода русскоязычных детей из русских в эстонско-русские школы.

Школы с русским языком обучения крайне неравномерно распределены по территории Эстонии, что соответствует территориальным различиям национального состава. По состоянию на 2003 г. 74 русские школы из 89 были расположены в уездах Ида-Вирумаа и Харьюмаа, в т.ч. 40 школ находилось в Таллине.

В половине уездов Эстонии русские школы вообще отсутствуют – это относится к островам, а также к некоторым центральным и южным уездам.

На фоне общего сокращения учеников, как в эстонских, так и в русских школах, наблюдается относительный рост первых. Так за период с 1993/1994 учебного года по 2009/2010 доля учащихся на эстонском языке увеличилась с 66,5% до 80,6%, при сокращении доли учащихся на русском языке с 33,5% до 19,4% (таблица 13). Данная тенденция свидетельствует о том, что курс, взятый страной на «эстонизацию» школ, не меняется и не изменится в будущем.

Таблица 13

**Количество учеников в школах
с различными языками обучения**

Учебный год	Эстонский язык обучения		Русский язык обучения		В целом по ЭР
	Количество учеников	% от общего количества	Количество учеников	% от общего количества	
1993/1994	143 202	66,5	72 245	33,5	215 447
1997/1998	151 478	69,6	66 023	30,4	217 501
1998/1999	153 848	70,7	63 729	29,3	217 577
1999/2000	154 747	71,7	61 094	28,3	215 841
2001/2002	153 218	73,8	54 394	26,2	207 612
2002/2003	150 177	74,9	50 301	25,1	200 478
2003/2004	146 169	75,9	46 401	24,1	192 570
2004/2005	141 421	76,9	42 530	23,1	183 951
2005/2006	136 036	78,3	37 786	21,7	173 822
2006/2007	130 589	79,6	33 435	20,4	164 024
2007/2008	124 274	80,1	30 797	19,9	155 071
2008/2009	118 889	80,6	28 630	19,4	147 519
2009/2010	114 356	80,6	27 446	19,4	141 802

Составлено: по данным Департамента статистики ЭР, <http://www.stat.ee>

Одним из сложных вопросов образования на русском языке является кадровая проблема. Сохраняется тенденция сокращения численности преподавательского состава русских школ и гимназий. Основной состав учителей русских школ – люди предпенсионного и пенсионного возраста. Остро ощущается недостаток высококвалифицированных молодых специалистов. Выпускники Таллинского педагогического университета не стремятся работать в русских школах ввиду невысоких заработков. Также остро стоит проблема нехватки качественных учебных программ, пособий и методической литературы. Существуют проблемы в связи с необходимостью владения русскими учителями эстонским языком. Получаемые ими знания нередко не соответствуют высоким требованиям экзаменационных комиссий, что неизбежно отражается на дальнейшей работе. Подобная ситуация дает возможность властям в любой момент уволить их на основании недостаточного владения эстонским языком.

За годы независимости возможность получения высшего образования на русском языке свелась к минимуму: сохранились лишь отдельные группы с обучением на русском языке в начальной стадии в некоторых вузах (обучение на русском языке только в течение первого года и далее переход на эстонский язык). Если в 1999/2000 учебном году на русском языке образование получали более 5,5 тыс. студентов, то в 2001/2002 эта цифра сократилась на 30% и составила 3,8 тыс. студентов. Очевидно, что вслед за сокращением количества учеников русских школ, будет сокращаться и количество студентов, обучающихся на русском языке.

3.3.2. Телевидение и радио

До 2003 г. в Латвии существовало ограничение на радио- и теле вещание на русском языке – 25% эфирного времени. После того, как 6 июня 2003 г. Конституционный суд признал это ограничение противоречащим Конституции, частные каналы, в отличие от государственных, увеличили объем русскоязычного вещания⁴⁶.

Тем не менее, в начале июня 2010 г. Сейм Латвии утвердил поправки к новому закону «Об электронных средствах массовой информации», предусматривающие введение ограничений на вещание на негосударственных языках – теле- и радиоканалы, имеющие статус национальных, обязаны вещать на латышском языке не менее 65% эфирного времени. По мнению депутатов

от «Центра согласия», это предложение противоречит решению Конституционного суда, отменившего «языковые» квоты на вещание .

Президент Латвии Валдис Затлерс отказался утвердить законопроект в таком варианте и вернул его на доработку в парламент с требованием ввести подобные ограничения и в отношении региональных телеканалов. Депутаты прислушались к мнению президента и ввели такие же ограничения в отношении региональных телеканалов. Депутаты решили, что не только национальные, но и региональные телеканалы должны обеспечить, чтобы 65% эфирного времени вещание осуществлялось на государственном (латышском) языке. Ранее такие требования к телеканалам не предъявлялись.

21 июля 2010 г. Президент Латвии утвердил в окончательном чтении законопроект «Об электронных СМИ», который существенно ограничивает право теле- и радиоканалов на вещание на негосударственном языке. Официальный представитель МИД РФ Андрей Нестеренко заявил, что принятый в Латвии закон «Об электронных средствах массовой информации» направлен на ограничение использования русского языка в стране. «Подобный шаг стал очередным свидетельством дискриминации прав и интересов русскоязычного населения Латвии, в том числе в местах его компактного проживания. Можно с сожалением констатировать, что латвийские власти продолжают проводить линию на дальнейшее сужение использования в общественной сфере русского языка, являющегося родным для трети населения страны», – отмечается в комментарии А.Нестеренко, опубликованном на сайте российского внешнеполитического ведомства⁴⁷.

В Литве на законодательном уровне вещание на русском языке не регламентировано. Однако, в июле 2007 г. государственное телевидение Литвы приняло решение о закрытии передачи новостей на русском языке. По словам директора Литовского ТВ Ш.Калинаускаса, от короткой ежедневной новостной программы на русском языке, которая выходила во второй половине дня, решили отказаться с той целью, чтобы создать равные условия для всех программ для национальных меньшинств. «На других языках новости не показывают, а на русском языке они сохранились со старых времен. Поэтому нам или нужно было начать показывать новостные программы и на польском, и на белорусском языках, или отказаться от новостей на русском языке. Было принято решение выбрать последний вариант», – сказал Калинаускас. В эфире Литов-

ского ТВ осталось несколько программ на русском языке, например просветительские альманахи «Русская улица» и «Христианское слово».

В конце 2007 г. Комиссия по радио и телевидению Литвы не выдала разрешение на вещание российской радиостанции «Голос России». По словам чиновников, данное решение было принято для того, чтобы уберечь граждан Литвы от «влияния российской пропаганды». По мнению менеджера Балтийской радиостанции Р.Плейкиса, данное решение комиссии является «политической цензурой». По его словам, на территорию Литвы беспрепятственно идет вещание радио «Свободная Европа», «Радио Свобода», китайских и польских радиостанций, и их вещание в эфире никто не запрещает⁴⁸.

В Эстонии существуют законодательные ограничения в сфере распространения информации на русском языке. Внесенная в 1997 г. поправка в Закон «О языке» предусматривает, что «объем для иноязычных передач новостей и прямых передач без перевода на эстонский язык... не должен превышать 10 процентов недельного объема передач собственного производства». Данное ограничение распространяется на радио- и телевидение.

Эстонское общереспубликанское телевидение представлено двумя государственными каналами («ЭТВ» и «ЭТВ-2») и двумя частными («Канал 2» и «ТВ 3»). На ЭТВ-2 на русском языке выходит ежедневная 15-минутная программа новостей «Актуальная камера», а также ряд других передач. Существует русскоязычный канал Радио 4 Эстонского Радио и новостной портал Novosti ERR Эстонской общественной телерадиовещательной корпорации на русском языке. Популярностью у русскоязычной аудитории пользуется Русское и Sky-Радио. С 2004 г. на Первом Балтийском канале выходят «Новости Эстонии». Кроме того, русскоязычным жителям Эстонии доступны кабельные телевизионные каналы на русском языке.

Периодически из уст эстонских политиков можно слышать высказывания о возможном ограничении и даже запрете на трансляцию российских телеканалов. Особенно ситуация накалилась во время кризиса вокруг Бронзового солдата в апреле 2007 г. и событий на Кавказе в августе 2008 г. Так, в 2007 г. вице-спикер Рийгикогу Кристийна Оюланд потребовала прекратить трансляцию в Эстонии «ксенофобских выступлений российских телеканалов», что вызвало большую тревогу среди русскоязычного населения страны⁴⁹. В 2008 г. с аналогичной идеей выступил и бывший посол Эстонии в России Март Хельме⁵⁰.

В значительной степени информацию на русском языке в Прибалтике обеспечивают российские телеканалы, транслируемые по кабельному или спутниковому телевидению.

3.3.3. Печатные издания

По состоянию на 2010 г. в Латвии на русском языке выходили четыре общегосударственные ежедневные газеты – «Вести Сегодня», «Телеграф», «Бизнес & Балтия» и «Час», а также местный выпуск газеты «Спорт-Экспресс» и бесплатная рижская ежедневная газета «5 min». Также выходят в свет еженедельники общегосударственного значения на русском языке – «Ракурс», «МК-Латвия» и «Вести». Согласно латвийскому каталогу изданий прессы на 2010 г.⁵¹, в стране выходит 66 общегосударственных газет, из которых на латышском языке – 34, на русском – 32. Такое соотношение свидетельствует о реальной востребованности получения информации на русском языке. Кроме того, на русском языке выходит 12 региональных газет в городах: Даугавпилс, Лиепая, Елгава, Резекне, Вентспилс, Екабпилс, Краслава и Лудза.

Крупнейшие издательства, издающие русскую прессу, – «Fenster» и «Petits». Издательству «Fenster» принадлежат «Вести Сегодня» (газета выходит с многочисленными приложениями – «Деловые Вести», «Недвижимость&Авто», «TV программа», «Latvijas santims», «Собеседник», «Алфавит», «Наука и жизнь», «Вокруг света», «Семья» и др.), еженедельники «Вести» и «Семь секретов». Издательству «Petits» – газета «Час» и еженедельник «Суббота».

В 2008 г. на русском языке в Литве издавались «Литовский Иерусалим», «Экспресс-неделя», Sugardas, «Литовский курьер», «Обзор», «В каждый дом», «Домашний доктор», «Наша кухня», «Наш край», «Пенсионер», «Причал Клайпеды», «Республика» и другие. Всего в Литве увидело свет 327 газет, из них 303 – литовские издания, 18 – русские, 3 – польские, 1 газета вышла на английском языке. По сравнению с 2002 – 2007 гг., число русских изданий практически не изменилось, а по сравнению с 1997 годом уменьшилось вдвое. В 1997 году в стране насчитывалось 36 русских газет, в 1995г. – 44. Годовой тираж русских газет в 2008 г. составил 14,7 млн. экземпляров (в 2007 – 15,9 млн.), единичный тираж – 236 000 экз. (в 2007 – 228 000).

В 2008 году в Литве на русском языке издавалось 8 журналов и других периодических изданий, среди которых – «Литва представляет», «Перекрестки», «Топос», «Вильнюс» и др. В 2007 г. их было 11, в 2003 – 13, в 2001 – 3⁵².

Ранее в Эстонии ведущие позиции среди русскоязычной прессы занимали выходившие пять раз в неделю общереспубликанские газеты «Молодежь Эстонии» и «Вести дня». Однако, 30 апреля 2009 г. издатель «Молодежи Эстонии» принял решение приостановить выпуск газеты в связи со сложным экономическим положением. В 1990-е—2000-е годы «Молодежь Эстонии» была крупнейшей подписной газетой в Эстонии на русском языке, доступной также в электронном формате. В IV квартале 2008 г. читательская аудитория газеты составляла 42 тыс. человек⁵³. В 2009 г. газете «Молодежь Эстонии» исполнилось бы 59 лет – она являлась старейшей ежедневной русской газетой в Эстонии.

Кроме того, в конце апреля того же года в Эстонии был приостановлен выпуск русскоязычной газеты «Вести дня», которая являлась преемником «Советской Эстонии». В качестве причин такого решения назывались финансовые затруднения, а также оппозиционный характер издания. «Мы были постоянным объектом политических и журналистских нападок. Также в отношении фонда (издателя газеты) было возбуждено уголовное дело, что осложнило ежедневный рабочий ритм», – пояснил представитель тогда издателя «Вестей дня» Эльмар Сепп⁵⁴.

Таким образом, сейчас в Эстонии на русском языке выходит только одна общереспубликанская ежедневная газета – «Постимеэс» (Postimees), представляющая собой русскоязычный выпуск одноимённой газеты на эстонском языке. На русском языке газета начала выходить 7 ноября 2005 г. тиражом 10 тыс. экземпляров, около половины содержания которой составляют переводы из данной газеты на эстонском языке, а 50% – оригинальные материалы журналистов русской редакции. По данным фирмы статистических исследований «TNS Emor» во втором квартале 2009 г. «Постимеэс» на русском языке имел читательскую аудиторию в 63 тыс. человек и лидировал по читаемости среди платных русскоязычных периодических изданий Эстонии.

В конце 2008 г. акционерное общество Postimees приобрело 100% акций издательства Den za Dnjom Kirjastuse OU, выпускающего русский еженедельник «День за днем». Газета стала вторым изданием на русском языке, принадлежащим Postimees. Андрей Заренков высказал сожаление в связи с продажей «День за днем». «Этот еженедельник был последним независимым островком русской прессы в Эстонии. <...> Однако при царящих ныне в Эстонии настроениях о «взятии под контроль русского информационного поля» такому решению удивляться не следует», – заявил Заренков⁵⁵.

В Эстонии на русском языке также выходят два еженедельника: общественно-политический – «День за Днём» и экономический – «Деловые Ведомости». Кроме того, пять раз в неделю в Ида-Вирумаа выходит русскоязычная газета «Северное побережье». Существует и двуязычное издание (на русском и эстонском языках) – «Linnaleht» (Линналехт – Городская газета) – бесплатный еженедельник, освещающий новости эстонской столицы.

3.3.4. Интернет

Интернет в Прибалтийских государствах является наиболее доступным источником информации на русском языке, особенно учитывая высокую компьютеризированность этих стран (Эстония по этому показателю занимает первое место в Европе).

Среди Интернет-ресурсов наибольшей популярностью у русскоязычного населения Прибалтики пользуется новостной портал DELFI (его русскоязычная версия). Публикуемые на портале материалы сопровождаются большим количеством комментариев, которые могут служить определенным срезом общественного мнения по той или иной тематике.

В рамках данной работы был проведен анализ официальных сайтов органов государственной власти в Прибалтийских государствах, включая все министерства в трех странах, с точки зрения используемых языков. Проведенный анализ показал, что наряду с версией на национальной языке, подавляющее большинство из них имеет версию и на английском языке. В таблице 14 представлены данные о наличии русскоязычных версий официальных сайтов органов государственной власти Латвии, Литвы и Эстонии.

Как видно из данных таблицы, только в Эстонии все три сайта имеют русскоязычную версию, причем в 2008 г. сайт президента страны не имел таковой⁵⁶. Анализ сайтов органов исполнительной власти Эстонии показал, что все министерства (за исключением Министерства иностранных дел) имеют версию сайта на русском языке, причем еще два года назад Министерство культуры и Министерство обороны не имели таких версий. Однако, следует отметить, что в русскоязычной версии сайта Министерства образования и науки некоторые разделы отсутствуют – например, результаты исследований и статистика доступны только на эстонском языке. В целом, русскоязычное население Эстонии не имеет проблем с получением информации на родном языке о деятельности госструктур.

**Языки официальных сайтов глав государств
и высших органов законодательной
и исполнительной власти Прибалтийских государств**

	Языки сайта президента страны	Языки сайта правительства страны	Языки сайта парламента страны
Латвия	латышский английский русский	латышский английский русский французский	латышский английский
Литва	литовский английский русский французский	литовский английский	литовский английский французский китайский русский немецкий
Эстония	эстонский английский русский	эстонский английский русский	эстонский английский русский

В ситуации с Латвией наибольшее удивление вызывает отсутствие русскоязычной версии сайта Сейма страны, особенно учитывая тот факт, что в нем представлены русскоязычные депутаты. Сайты только трех латвийских министерств (Министерство иностранных дел, Министерство благосостояния и Министерство сообщения), а также Конституционного суда и Бюро омбудсмана имеют версии на русском языке. Вместе тем сайты министерств, имеющих непосредственное отношение к жизни 30% населения (Министерство культуры, Министерство образования и науки), не имеют русскоязычных версий.

В Литве только сайт Министерства иностранных дел имеет русскоязычную версию, причем в 2008 г. ее не было. Однако, учитывая высокий уровень владения русскоязычным населением литовским языком, в отличие от Латвии, проблемы с получением информации о работе государственных структур практически не существует. Кроме того, наличие сайтов на русском может быть определенным свидетельством важности для руководства каждой из стран русскоязычной аудитории.

3.4. Территориально-возрастные особенности адаптивности населения Прибалтики к новым социально-политическим условиям

Различия в положении русскоязычного населения не ограничиваются лишь территориальным признаком – наблюдаются и возрастные особенности. Существуют значительные различия положения трех основных возрастных групп (молодежь, трудоспособное население, пенсионеры), которые в свою очередь тоже неоднородны.

Среди молодежи выделяется два типа. Первый – это **интегрированная молодежь**, к которой относится молодежь столичных регионов, Утенского района, часть молодежи Северо-Востока и Латгалии. По сравнению с другими, в этой группе максимальная доля имеет гражданство страны проживания, а также самый высокий уровень владения государственным языком. Главным образом это связано с тем, что большинство из них родились уже в независимых Прибалтийских государствах.

Эта группа выделяется самым высоким миграционным потенциалом. Однако направления миграции различны. Столичная молодежь ориентируется на отъезд из страны, причем преимущественно в европейские государства, а не в Россию. Миграционные предпочтения несколько отличаются у русскоязычной молодежи периферийных районов, часть которой ориентируется на переезд в столицу своей страны, часть – в Россию, но большинство, как и в столицах, предпочитают уехать в Европу.

Второй тип – это **неинтегрированная молодежь**, который включает в себя часть молодежи Северо-Востока Эстонии и Латгалии. Появление этой группы вызвано социальной неопределенностью в их семьях. Для этой молодежи характерна проблема наркомании. Одной из главных причин ее высокого уровня среди русскоязычной молодежи школьного возраста, являются сложности в обучении на неродном языке, которые в свою очередь являются причиной ухода из школы.

Наибольшие различия по территории наблюдаются у трудоспособного населения, что главным образом связано с различным уровнем экономического развития районов. Первый тип – **социально-адаптированное трудоспособное население**, к которому относится трудоспособное население столичных регионов и Утенского района Литвы. Выделить эту группу позволяет ситуация на рынке труда в данных регионах, поскольку

материальное положение этой возрастной категории главным образом определяется трудовой деятельностью. В столичных регионах существует достаточно многочисленная группа – русскоязычные предприниматели. Так называемый «русский бизнес» появился в Прибалтике в начале 90-х гг. Одной из главных причин послужило то, что после обретения независимости русские были вытеснены из государственного и административного управления и начали создавать собственные фирмы.

Второй тип – **Социально-неадаптированное трудоспособное население**, которое включает в себя трудоспособное население Северо-Востока Эстонии и Латгалии. Положение этой группы можно охарактеризовать как весьма тяжелое. В первую очередь это связано с высоким уровнем безработицы в этих регионах. В этой группе велика доля лиц, не имеющих гражданства страны проживания. Однако, перед людьми более остро стоит проблема собственного материального положения, в связи с чем решение вопроса о гражданстве откладывается. Очевидно, сложившаяся ситуация с гражданством в ближайшее время не изменится, поскольку для его получения необходимо хорошее знание государственного языка, а жители данных регионов выделяются низким уровнем владения госязыком. Кроме того, здесь практически отсутствует языковая среда для общения на государственном языке.

В наиболее тяжелом материальном и моральном положении находятся русскоязычные пенсионеры, но острота проблем зависит от районов проживания. **Пенсионеры с удовлетворительным социально-экономическим положением** – это пенсионеры столичных регионов и Утенского района Литвы. Уровень социально-экономического развития данных регионов (особенно столичных) оценивается как высокий. Благодаря перераспределению расходов материальное положение пенсионеров здесь весьма удовлетворительное.

Пенсионеры с кризисным социально-экономическим положением – это пенсионеры Северо-Востока Эстонии и Латгалии. Эта группа находится в очень тяжелом положении как материальном, так и моральном. Материальные трудности связаны с тем, что проживание в регионах с низкими доходами населения практически исключает возможность получения пенсионерами материальной помощи от родственников

Проведенный анализ региональных особенностей правового и социально-экономического положения русскоязычного населения Прибалтики позволяет сделать следующие выводы:

1. Положение русскоязычного населения сильно различается в Латвии и Эстонии с одной стороны и в Литве с другой. Принятие «нулевого» варианта гражданства в последней позволило избежать разделения населения страны по гражданскому статусу, но полностью не решило всех проблем русскоязычного населения страны. Принятые в Латвии и Эстонии законы о гражданстве породили проблему массового безгражданства среди русскоязычного населения этих стран. Неравенство в правах граждан и неграждан проявляется в политических, экономических, социальных и культурных вопросах.

2. Различия в уровне жизни населения Прибалтики проявляются на двух уровнях. Во-первых, существует территориальная дифференциация. Свообразными «анклавами» с высоким уровнем жизни являются столицы этих государств и крупнейшие города. Низкий уровень жизни наблюдается в приграничных с Россией районах Эстонии и Латвии, где компактно проживает русскоязычное население. Второй уровень различий связан с национальной принадлежностью – для представителей национальных меньшинств в Латвии и Эстонии характерен более низкий уровень жизни, чем для титульной национальности.

3. Уровень безработицы имеет сильную территориальную дифференциацию. При сопоставлении региональных различий в уровне безработицы с национальным составом в Латвии и Эстонии главным выводом является прямая зависимость между высокой безработицей и преобладанием русскоязычного населения.

4. Для русскоязычного населения Эстонии и Латвии характерна еще более опасная проблема – наркомания. Эта проблема затрагивает преимущественно русскоязычную молодежь, причем с каждым годом наркотики начинают принимать во все более раннем возрасте, а количество наркозависимых увеличивается.

5. Дискриминация русских как языкового меньшинства выражается в последовательном сужении сферы применения русского языка. Острой проблемой для русскоязычного населения Прибалтики является принудительная замена русского языка государственным. В Эстонии и Латвии государственные

языки используются не как цели интеграции, а как средства ассимиляции русскоязычного населения. Роль русского языка в системе образования постоянно уменьшается, что является прямым следствием государственной политики.

6. В Латвии и Эстонии существуют законодательные ограничения на распространение информации на русском языке в теле- и радиоэфире. Однако, русскоязычное население имеет возможность просмотра российских телеканалов по кабельному или спутниковому телевидению. Важным источником получения информации о России и на русском языке является Интернет.

Глава 4

Положение русскоязычного населения в районе компактного проживания на примере Северо-Востока Эстонии

4.1. Обоснование выбора региона

Северо-Восток Эстонии, которому посвящена данная глава, рассматривается в границах уезда Ида-Вирумаа (один из 15 уездов Эстонии). Площадь уезда составляет 3195,8 км² или 7,7% от общей площади государства. На востоке уезд граничит с Ленинградской областью России (граница проходит по реке Нарва); на западе – с Ляэне-Вируским, а на юго-западе – с Йыгеваским уездами Эстонии. На севере территория омывается водами Финского залива, а на юге – Чудского озера.

Выбор указанного района объясняется тем, что Северо-Восток представляет собой регион, существенно отличающийся по многим показателям, а также процессам, происходящим здесь, не только от остальной территории страны, но от территории Прибалтики в целом. Главным критерием, который позволяет выделять именно этот регион для более детального исследования, является его национальный состав.

Доля русских в уезде на начало 2010 г. составила 71,4%, а русскоязычных – почти 4/5 (рис. 9), причем в течение последних лет удельный вес русскоязычного населения постепенно повышается. Столь высоких показателей не наблюдается больше не только ни в одном из уездов Эстонии, но и нигде в Прибалтике.

По доли русских в населении следующим после Ида-Вирумаа является уезд Харьюмаа, где эта величина составляет 32,5%. Во всех без исключения городах Северо-Востока большинство населения – русскоязычные, а в самом крупном городе региона – Нарве – доля русскоязычного населения достигает 95%. На Северо-Восток приходится 36% всех русских, проживающих в Эстонии.

Вследствие особенностей национального состава населения Ида-Вирумаа, регион также имеет особенности с точки зрения

языковой структуры. По итогам переписи населения 2000 г. для 77,8% жителей региона русский язык является родным, в то время как в целом по Эстонии этот показатель равен 29,7% . Изучение эстонского языка в регионе сталкивается с очень существенной проблемой – здесь фактически отсутствует языковая среда для общения на эстонском языке. Только 35,6% населения региона говорят на эстонском языке, в том числе всего лишь для 17,7% эстонский язык является родным.

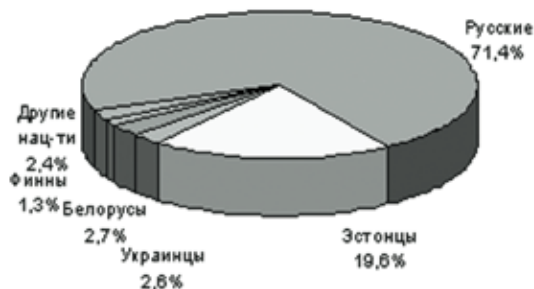

Рис. 9. Национальный состав уезда Ида-Вирумаа, 01.01.2010, %

Составлено по: данные Statistical Office of Estonia, www.stat.ee

На Северо-Востоке русскоязычное население всегда было многочисленным, но наиболее существенные изменения в этническом составе региона произошли после Великой Отечественной войны. Восстановление разрушенных войной предприятий и дальнейшее развитие народного хозяйства требовали массового привлечения трудовых ресурсов. В СССР эта проблема решалась за счет перетока в города сельского населения. Однако сельское население здесь никогда не было многочисленным. В результате проблема обеспечения кадрами строящихся объектов была решена в основном за счет привлечения рабочих рук из сопредельных сельских районов России. Если население всей Эстонии за период с 1945 по 1980 гг. выросло с 1 до 1,5 млн. человек, то на Северо-Востоке оно увеличилось более чем вдвое. Соответственно изменился его этнический состав. За период с 1959 г. по 1989 г. доля эстонцев в населении уезда сократилась с 38% до 18,5% , доля же русских увеличилась до 70% .

Северо-Восток Эстонии имеет выгодное транспортно-географическое положение, причем, можно говорить о том, что после распада СССР его «выгодность» даже увеличилась. Регион занимает транзитное положение на пути, связывающем За-

падную Европу и Россию. С востока и с запада к нему подходят железнодорожные и автомобильные дороги достаточно высокого класса. Направление Таллин – Нарва и далее на Санкт-Петербург является самым мощным и грузонапряженным на всей территории Эстонии. Именно по этому направлению следует подавляющая часть транзитных грузов через территорию Эстонии. Необходимо отметить и приморское положение региона, которое во все времена было существенным фактором экономического развития.

Особенность региона проявляется и на уровне общественной деятельности российских соотечественников. В последнее время были созданы новые общественные объединения соотечественников, ставящие своей целью решение специфических проблем жителей Северо-Востока Эстонии.

4.2. Положение населения региона

Изменения в экономической и политической жизни Эстонии не могли не оказать влияния на положение населения страны. Особенно остро эти изменения затронули жителей Северо-Востока, поскольку население региона существенно отличается от населения всей страны по национальному составу, структуре занятости и другим признакам. Социально-экономические проблемы, которые будут рассматриваться в этом разделе, не просто актуальны для русскоязычного населения региона, а зачастую стоят перед ним исключительно остро.

4.2.1. Гражданский статус населения

Структура населения Северо-Востока с точки зрения гражданского статуса принципиально отличается от населения Эстонии в целом. Ни в одном другом уезде на долю граждан Эстонии не приходится менее половины населения. По данным переписи населения 2000 г., в уезде Ида-Вирумаа граждане ЭР составляют 44,8% населения, в Харьюмаа – 73,6%, в остальных 13-ти уездах страны – свыше 90%. Численность граждан России, проживающих в уезде, составляет около 34,6 тыс. человек, т.е. здесь сосредоточено более 40% всех граждан РФ, проживающих в Эстонии. Город Силламяэ является единственным в Эстонии, где численность граждан России превышает численность граждан Эстонии, причем на долю последних приходится всего около 1/5 населения города.

Регион также выделяется большим количеством неграждан – 61,9 тыс. человек, или 35% населения уезда. Таким образом, в регионе остро стоит проблема массового безгражданства, а также вытекающая из нее проблема правового неравенства. Другой серьезной региональной проблемой является значительное число проживающих на Северо-Востоке так называемых «нелегалов» тех, кто не только не имеет ни эстонского, ни российского, ни паспорта иностранца, но и вида на жительство. Официальное их число в уезде, по данным Ида-Вирусского отдела Департамента гражданства и миграции, составляет около 1 тыс. человек, в действительности же их значительно больше.

4.2.2. Демографическая ситуация

Ида-Вирусский уезд относится к наиболее заселенным регионам Эстонии. По абсолютной численности (168 656 чел. в 2010 г.) и по плотности населения (52,8 чел. /км²) уезд занимает второе место после столичного уезда. На долю уезда приходится 12,6% населения Эстонии.

Начиная с 1992 г., численность населения в уезде постоянно сокращается, как вследствие естественной убыли населения, так и за счет миграционного оттока. За годы независимости население уезда сократилось почти на четверть. На фоне общего сокращения численности населения Ида-Вирумаа происходит и сокращение численности русского населения уезда – за последние 20 лет сокращение составило 22% (рис. 10).

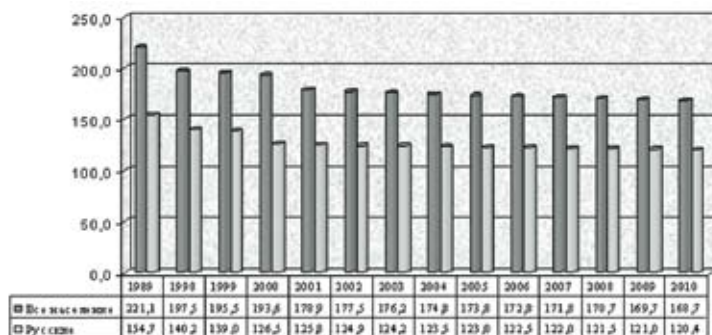

Рис. 10. Изменение численности населения уезда Ида-Вирумаа
Составлено по: данные Statistical Office of Estonia, www.stat.ee

Демографическая ситуация в регионе весьма тяжелая, так как основные демографические показатели уезда в течение

последних лет являются одними из худших в стране. Единственным положительным изменением является рост уровня рождаемости – с 7,3‰ в 1997 г. до 9,4‰ в 2002 г. За тот же период уровень смертности существенно повысился – с 14,1‰ до 16,8‰. Естественная убыль населения продолжает расти: -6,8‰ в 1997 г. и -7,4‰ в 2002 г. Процесс депопуляции населения вполне объясним: при сложившейся тяжелой социально-экономической ситуации в регионе проблематично ожидать естественного прироста населения. О неблагоприятии социально-экономического положения в регионе свидетельствуют также данные о младенческой смертности: 2002 г. уровень младенческой смертности на Северо-Востоке составил 10,9‰, притом, что в целом по стране этот показатель равен 5,7‰.

Характерной особенностью Северо-Востока является высокая доля городского населения – 88%, что выше, чем даже в уезде Харьюмаа, центром которого является Таллин. Вследствие этого уезд Ида-Вирумаа справедливо рассматривается в качестве наиболее урбанизированного региона страны. Основными городскими центрами, определяющими динамику его развития, являются города Нарва, Кохтла-Ярве и Силламяэ. Для этих городов, как и для региона в целом, характерно уменьшение численности населения.

Миграционные процессы, происходящие на Северо-Востоке, также имеют свою специфику. До 1991 г. Северо-Восток являлся регионом наибольшего притока мигрантов. Даже накануне распада Союза регион лидировал по этому показателю, когда уже во многих уездах наблюдалось отрицательное сальдо миграции. Распад СССР изменил направление существовавших на Северо-Востоке миграционных потоков на диаметрально противоположное: после 1991 г. начался активный миграционный отток. Пик миграционного оттока из региона, как и из Эстонии в целом, пришелся на 1992 г. Отрицательное сальдо миграции за этот год составило 6702 человек. К концу 90-х гг. поток мигрантов из региона уменьшился, хотя сальдо миграции по-прежнему остается отрицательным. Так, в 1997 г. во многих регионах было зафиксировано положительное сальдо миграции, а на Северо-Востоке оно по-прежнему остается отрицательным, причем по величине (895 человек) уступает только Харьюскому уезду. Сокращение миграционного оттока объясняется тем, что большинство тех, кто хотел и имел возможность уехать, уже сделал это в начале 90-х гг. Необходимо отметить, что большинство потенциальных переселенцев откладывают отъезд, поскольку квартиры и иную недвижимость невозможно

продать за цену, позволяющую покрыть издержки по переезду и приобретению равноценного жилья в России.

Таким образом, в настоящее время естественная убыль населения Северо-Востока дополняется продолжающимся миграционным оттоком из региона.

4.2.3. Социальная ситуация

В течение последних лет величина заработной платы на Северо-Востоке является одной из самых низких в стране.

В 2009 г. на Северо-Востоке она составила 9964 кроны, что в 1,2 раза ниже, чем по стране в целом и в 1,4 ниже, чем в Таллине.

Одним из важных показателей, характеризующих уровень жизни, является величина средних доходов домохозяйств. По этому показателю уезд Ида-Вирумаа находится в Эстонии на 13-м месте из 15-ти. В 2002 г. средний доход на одного члена домашнего хозяйства здесь составил 1839,1 крон, что почти в 2 раза меньше по сравнению с Таллином. Кроме того, даже при увеличении доходов на Северо-Востоке, темпы здесь ниже, чем в целом по стране. Так, за период с 2000 г. по 2002 г. средний доход на одного члена домашнего хозяйства в целом по Эстонии увеличился на 12,7%, а на Северо-Востоке – на 11,7%. По структуре расходов здесь ситуация наихудшая: только в 3-х из 15-ти уездов Эстонии доля расходов на продукты питания и проживание превышает, а в Ида-Вирумаа она максимальная – 58%.

Косвенным подтверждением более низкого уровня жизни в регионе является оценка домашних хозяйств относительно того, какая сумма им необходима для нормальной жизни. Это связано с тем, что люди, привыкшие жить достаточно обеспеченно, называют большую сумму, а те, кто привык жить беднее, соответственно, называют более низкую сумму. Надо отметить, что в Эстонии, учитывая небольшую площадь страны, фактически отсутствует территориальная дифференциация уровня цен, т.е. влияние цен на ответ минимально. В 2002 г. 38,3% домохозяйств Северо-Востока полагали, что им достаточно суммы 2-3 тыс. крон. В 10-ти уездах большинство домохозяйств называли сумму 4 тыс. крон и выше (по исследованию это была максимальная цифра).

В течение последних лет Северо-Восток выделяется одним из самых высоких уровней безработицы в стране, который в 2009 г. составил 18,1% (рис. 11). В то же время независимые исследования показывают, что армия «лишних» людей гораздо

многочисленнее – до 50% экономически активного населения. Промышленный спад после распада Советского Союза, а также начавшийся мировой экономический кризис являются главными причинами постоянно высокого уровня безработицы в данном регионе.

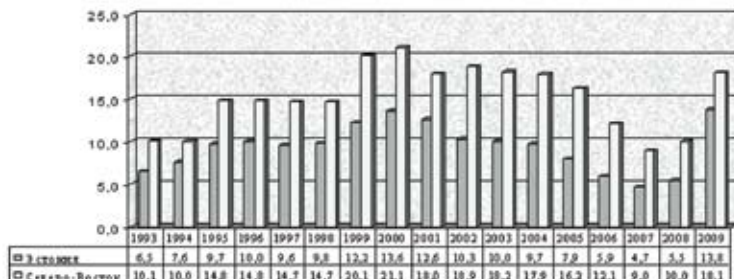

Рис. 11. Уровень безработицы в Эстонии и в уезде Ида-Вирумаа, %
Составлено по: данные Statistical Office of Estonia, www.stat.ee

По состоянию на 31 августа 2010 г. в Ида-Вирумаа было зарегистрировано 13610 безработных, в частности в Нарве – 6251. В целом в Эстонии в это время было 72320 безработных. Другими словами, почти 19% всех эстонских безработных приходится на Северо-Восточный регион, при том, что здесь проживает 12,6% населения страны.

В начале 2000-х г.г. в Ида-Вирусском уезде на каждого безработного эстонца приходилось почти 6 безработных русскоязычных. Столь разное положение на рынке труда эстонцев и русскоязычных жителей региона связано с политическими факторами, в первую очередь – с языковой политикой. Практически любой из русскоязычных специалистов Ида-Вирумаа не только опасается потерять работу, но и получает меньшую зарплату, чем эстонскоязычный коллега. Основная причина – слабый уровень владения государственным языком. Это подтверждается словами директора регионального отделения Департамента занятости: «у безработицы русское лицо... Основным препятствием того, что человек, даже имеющий высшее образование, не может устроиться на работу, является язык»⁵⁷. Не последнюю роль и играет и национальная принадлежность. Появилась даже крылатая фраза: «В Нарве есть одна специальность – эстонец».

В целях сокращения безработицы, в Эстонии была создана Страховая касса по безработице, предоставляющая пособия

на начало предпринимательской деятельности. По мнению руководителя Нарвского бюро, на Северо-Востоке информация о возможности получения пособия достигает своей целевой аудитории (она есть и на интернет-странице страховой кассы по безработице, tootukassa.ee, и в брошюрах «В помощь ищущему работу», раздающихся в региональных бюро), специалисты нарвского бюро сами предлагают многим нарвлянам, оставшимся без работы, стать частными предпринимателями⁵⁸.

Но к 2010 г. ситуация не изменилась – незнание государственного языка жителями региона по-прежнему является главной причиной высокого уровня безработицы на Северо-Востоке. С начала 2010 г. по 31 августа в Страховую кассу по безработице по всей Эстонии было подано 1084 ходатайства о пособиях на начало предпринимательской деятельности (406 из них были удовлетворены, 83 находились в стадии рассмотрения). В то же время безработные Ида-Вирумаа подали только 37 ходатайств (9 из них удовлетворены, 6 рассматривались), что составляет всего лишь 30-ю часть от общеэстонского числа. В Нарве за первые 8 месяцев 2010 г. было подано всего лишь 12 ходатайств (одобрено 3, рассматривалось 2).

Несоизмеримо малое количество обращений в Страховую кассу по безработице за пособием на начало своего дела в «русском» регионе, Ида-Вирумаа, можно объяснить только тем, что составление ходатайства, а тем более бизнес-плана на эстонском языке, для его жителей является большой проблемой. А заказывать перевод у специалистов потенциальные претенденты на пособие, по всей вероятности, не могут из-за дороговизны этой услуги.

4.2.4. Преступность и проблема наркомании

Основываясь на данных Департамента статистика Эстонии, можно сделать вывод, что Ида-Вирумаа является неблагоприятным с точки зрения криминогенной ситуации уездом. В 2004 г. здесь было зафиксировано 361 преступление на 10 тыс. жителей, что является одним из наиболее высоких показателей в стране. На фоне ситуации по стране в целом уезд выделяется по уровню тяжких преступлений: на его долю приходится 1/4 убийств и 1/5 случаев нанесения тяжких телесных повреждений, притом, что на уезд приходится 12,6% населения страны.

Одной из главных причин ухудшения криминогенной ситуации в регионе, роста преступности является тяжелое

социально-экономическое положение и, прежде всего, рост безработицы. По некоторым данным, каждый процент роста безработицы дает в регионе увеличение преступности на три процента.

Как отмечалось ранее, проблема наркомании в Эстонии непропорционально затрагивает русскоязычное население. Также непропорционально распределено по территории страны количество лиц, принимающих наркотики. В Нарве в 2001 г. было зафиксировано примерно 5-6 тыс. наркоманов, в то время как во всей Эстонии их насчитывалось 11-12 тыс.⁵⁹ Другими словами, половина всех наркозависимых Эстонии приходится на русскоязычную Нарву, население которой составляет всего 5% населения страны. Проблема наркомании тесно связана с распространением ВИЧ. Эпидемия ВИЧ в Эстонии началась в 2000 г. именно в Нарве и стала быстро распространяться по территории страны. К концу 2001 г. в Эстонии было зафиксировано 1808 человек, зараженных ВИЧ, в том числе в Нарве – 600 носителей ВИЧ. Для сравнения можно привести следующие данные: в Санкт-Петербурге с населением 4,7 млн. человек в 1999 г. было зарегистрировано 612 инфицированных, или другими словами в Нарве распространение ВИЧ в 65 раз выше, нежели в Санкт-Петербурге. Согласно статистике инспекции по здравоохранению, в 2004 г. в Эстонии было диагностировано 840 новых случаев заражения ВИЧ, из них 417 в Ида-Вируском уезде, т.е. 56% всех случаев. В 2003 г. из 899 зараженных 51% приходился на долю Ида-Вирумаа.

Проблема наркомании зачастую сопутствует бедности, безработице и социальному отторжению. Именно эти процессы можно наблюдать на Северо-Востоке, что и является причиной столь большого числа наркозависимых в регионе.

Таким образом, Северо-Восток Эстонии является показательным примером социально-экономических проблем, характерных для русскоязычного населения Прибалтики. В советские годы в этом регионе находилась значительная часть промышленного потенциала страны, в том числе почти все производство электроэнергии. Регион имеет повышенную плотность населения и развитую инфраструктуру, одновременно являясь местом компактного проживания значительной части русскоязычного населения страны. И именно для этого района сейчас характерны наиболее глубокий экономический кризис, самая высокая безработица, низкий уровень средней зарплаты, высокая преступность, а также проблема наркомании.

Заключение

В данной работе проведен детальный анализ формирования национальной структуры населения Прибалтики, современной социально-экономической, языковой и правовой ситуации в регионе, особенностей положения русскоязычного населения в каждой из стран и в районах компактного проживания, который показал следующее:

1. Русскоязычное население на территории Прибалтики проживает не одно столетие, но численность его никогда не была постоянной, и менялась в разные исторические периоды. Существенное увеличение доли русскоязычного населения наблюдалось после вхождения Латвии, Литвы и Эстонии в состав СССР. Особенно это касалось крупных городов, что объясняется начавшейся индустриализацией, а также необходимостью восстановления разрушенных войной предприятий.

2. После распада Советского Союза направление миграционных потоков между Прибалтикой и Россией изменилось кардинальным образом. Если до 1991 г. Прибалтика имела положительное сальдо миграции с Россией, то затем оно стало отрицательным. Начался массовый выезд русскоязычного населения, пик которого пришелся на 1992 г. Причиной этому послужило принятие законодательных актов, дискриминирующих русскоязычное население. В дальнейшем миграционный отток постепенно сократился, что вызвано определенным исчерпанием миграционного потенциала.

3. В результате миграционных процессов с момента обретения независимости изменения в национальном составе трех прибалтийских государств характеризуются увеличением доли титульного населения и сокращением доли русскоязычного. Причем, в Литве второй по численности этнической группой с начала 2000-х гг. вместо русских стали поляки. Русскоязычное население распределено неравномерно по территории Прибалтики. В основном оно проживает на приграничных с Россией территориях (в Литве – с Белоруссией), а также в столицах и крупных городах.

4. Современное положение русскоязычного населения не одинаково в трех Прибалтийских государствах, одной из причиной чего является различный гражданский статус не-

титульного населения. Принятие Литвой «нулевого» варианта гражданства позволило избежать разделения населения страны по гражданскому статусу. В двух других странах сложилась противоположная ситуация. Неравенство в правах между гражданами и негражданами Эстонии и Латвии проявляется в политической, экономической, социальной и культурной областях. Наибольшие различия связаны с запретом для неграждан на определенные виды деятельности. В Эстонии и Латвии в течение последних лет сохраняется проблема массового безгражданства, которая затрагивает преимущественно русскоязычное население.

5. В Латвии и Эстонии существенные различия между титульным населением и представителями национальных меньшинств наблюдаются в социальной сфере. Для русскоязычного населения этих стран характерен более низкий уровень жизни, о чем свидетельствуют как статистические данные, так и результаты социологических исследований. Уровень безработицы среди нетитульного населения на протяжении последних лет постоянно выше, чем среди титульного. Для отдельных групп русскоязычного населения Эстонии и Латвии характерна и более опасная проблема – наркомания, которая непропорционально затрагивает русскоязычную молодежь.

6. Острой проблемой для русскоязычного населения как языкового меньшинства является постоянное сужение сферы применения русского языка, который в трех странах является иностранным. За годы независимости роль русского языка в системе образования существенно снизилась, что является следствием проводимой государственной политики.

7. Социально-экономическое положение русскоязычного населения имеет территориальную дифференциацию внутри каждой из стран. В Латвии и Эстонии наблюдается поляризация уровня социально-экономического развития регионов проживания русскоязычного населения. Если в столичных регионах уровень самый высокий, то в периферийных – самый низкий. По уровню социально-экономического развития регионов проживания русскоязычного населения ситуация в Литве иная, поскольку положение в столичном и периферийном районах различается, но не кардинально, причем показатели последнего близки к средним значениям по стране.

8. Детальное исследование положения русскоязычного населения на Северо-Востоке Эстонии выявило в концентрированном виде все проблемы, характерные для русскоязычного населения Прибалтики: высокий уровень безработицы, низкий

уровень жизни, отсутствие гражданства страны проживания, незнание государственного языка, сокращение населения, преступность и наркомания.

9. При формировании политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих в Прибалтике, целесообразно применять дифференцированный подход, учитывая территориальные, социально-экономические, возрастные особенности этой группы населения не только в пределах каждой из стран, но и в отдельных регионах.

Литература

1. Абашидзе А.Х., Блищенко И.П. Проблема правового статуса национальных меньшинств. – «США: экономика, политика, идеология», 1995, №12, с.91-102.
2. Апине И. Особенности этнических конфликтов в Латвии // Этничность и власть в полиэтнических государствах / Материалы международной конференции, 1993г. / Москва, «Наука», 1994, с.257-274.
3. Безработным Ида-Вирумаа не дает стать предпринимателями незнание эстонского, Виру Проспект, 29.09.201
4. Божко О. «Жить станет лучше?», Балтийский курс №21, 2002.
5. Бондаренко О. Русское образование в Эстонии в 1918-1940 гг., Материалы научно-практической конференции учащихся Ахтмеской гимназии г. Кохтла-Ярве
6. Бреннингмейер О. Предотвращение этнического конфликта. – «Мировая экономика и международные отношения», 2000, № 3, с.38-46.
7. Бузаев В. Неграждане в Латвии, Рига, 2007.
8. Бухвалов В.А., Плинер Я.Г. Реформа школ нацменьшинств в Латвии: анализ, оценка, перспективы, Рига, 2008, 140 с.
9. Вишневский А.Г., Зайончковская Ж.А., Волны миграции: Новая ситуация // Свободная мысль. – М., 1992. – №12. – С.4-16.
10. Воронов К. Балтийская политика России: поиск стратегии. – «Мировая экономика и международные отношения», №12, 1998, с.18-32.
11. Вушкарник А.В. Балтийская политика Запада и России. – «Мировая экономика и международные отношения», 1995, №3, с.118-122.
12. Вушкарник А.В. Проблемы отношений России со странами Балтии. Доклад Института Европы РАН №36. М.: Институт Европы, 1997, 70с.

13. Выполнение Эстонией Рамочной конвенции по защите национальных меньшинств. Сборник документов. Таллин, 2002, 87 стр.

14. Географический энциклопедический словарь: Географические названия / Гл. ред. А.Ф. Трешников. Ред. кол. Э.Б.Алаев и др. – 2-е изд., доп. – М.: Сов. Энциклопедия, 1989. – 592 с.

15. Грибанов В.А. Литва: Вчера и сегодня. Домыслы и факты. – Вильнюс: Социалистическая федерация трудящихся Литвы, 1990. – 28с.

16. Гуцин В., Некоторые уроки и итоги движения за отмену «школьной реформы» в Латвии, <http://www.materik.ru>, 03.02.2010.

17. Даунс П. (Paul Downes) Жизнь с героином. Идентичность, социальное отторжение и распространение ВИЧ среди русскоязычного меньшинства в Эстонии и Латвии. // Центр информации по правам человека, Центр информации поддержки против СПИДа. Таллин, 2003.

18. Деменков А. Baltic Aliens. – <http://www.delfi.ee>. 8 февраля 2005 г.

19. Динамика населения СССР. 1960-1980 гг. Васильева Э.К., Елисеева И.И., Кашина О.Н., Лаптев В.И. М.: «Финансы и статистика», 1985, 176 с.

20. Дьякова Н.А. Россия – Латвия – Эстония: история и сегодняшняя реальность. – «США: экономика, политика, идеология», 1994, №1, с.47-56.

21. Дьякова Н.А. Территория Литвы в ретроспективе российско-литовских отношений. – «США: экономика, политика, идеология», 1994, №11, с.77-88.

22. Дэвис Н., История Европы; Пер. с англ. Т.Б.Менской. – М.: ООО «Издательство АСТ», ООО «Транзиткнига», 2004. – 943с.

23. Зайончковская Ж.А. Вынужденные мигранты из стран СНГ и Балтии. – «Социологические исследования», 1998, №6, с.55-59.

24. Зайончковская Ж.А., Миграции в постсоветском пространстве // Миграции в постсоветском пространстве: политическая стабильность и международное сотрудничество, Сб. под ред. Д.Р.Азраэла, В.И.Мукомеля, Э.А.Паина; РЭНД (США); Центр этнополит. и регион. Исследований. – М.: Комплекс-Прогресс, 1996, – С. 23-48.

25. Зайончковская Ж.А., Миграции населения как индикатор социальной ситуации в постсоветском пространстве // Проблемы прогнозирования. – 1997. – №3. – С. 119-128.

26. Зайончковская Ж.А., Русский вопрос // Миграция. – 1996. – №1. – С. 7-14.

27. Зверко Н., За 15 лет русских газет стало вдвое меньше, ru.DELFI.lt, 20.10.2009.

28. Зепа Б. Проблемы прав человека // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов: Бюллетень. 2000. Март-Апрель, №30.

29. Зепа Б. Реформа образования нацменьшинств: настроения и дискуссии, Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов: Бюллетень. 2003. Ноябрь-Декабрь, №52.

30. Значение региональных аспектов в решение вопросов гражданства, Управление натурализации Латвийской Республики, Рига, 2003, 134 с.

31. Институт открытого общества, Программа мониторинга расширения ЕС, Охрана прав меньшинств в Эстонии 2001, 50 стр.

32. Интеграция в Эстонии: проблемы и перспективы. Отчет рабочего семинара. Таллин, май 2000 г.

33. Интеграция неэстонцев в эстонское общество: роль ДГМ и миграции в этом процессе. Семинар в Институте Открытого Общества. – г.Нарва-Йыэсуу, Эстония, ноябрь 1998.

34. Информационно-аналитический бюллетень Фонда Сороса «Открытое общество» №2(11), 2001.

35. Израельян Г.Г. Политические партии Эстонии. Справочник. – Таллин, Tarbe Info, 2004. – 157 с.

36. История Балтийских стран / З.Кяупа, А.Мяэсалу, А.Паюр и др., «Авита», 1999, 222с.

37. Козлов В.И. Национальности СССР (Этнодемографический обзор). М.: «Статистика», 1975, 263 с.

38. Козлов В.И. Этническая демография. М.: «Статистика», 1977.

39. Круминг-Сухарев Б.А. Русские в Прибалтике: рубеж XXI века. Санкт-Петербург, 2001.

40. Лебедева Н.М. Новая русская диаспора: социально-психологический анализ / Ин-т этнологии и антропологии РАН. – М., 1997. – 333 с.

41. Лебедева Н.М. Русские в странах ближнего зарубежья. Социально-психологический анализ // Вестник РАН. – 1998. – Т. 68. – № 4. – С. 296-305.

42. Лебедева Н.М. Социально-психологические аспекты аккультурации новой русской диаспоры // Вынужденные мигранты: интеграция и возвращение / Ин-т этнологии и антропологии РАН. – М., 1997. – С. 89-116.

43. Левин И. Национальный вопрос в послевоенной Европе. – Коммунистическая академия Институт советского строительства и права, М., 1934, 526с.

44. Логинова С. Русское лицо эстонской безработицы, Молодежь Эстонии, 24.03.2003.

45. Мартынова М.Ю. Национальные меньшинства в странах Восточной Европы в 90-е годы. Поиск мирных решений, Исследования по прикладной и неотложной этнологии, №91, М., 1995, 28 с.

46. Материалы конференции соотечественников стран Балтии «Объединения и организации соотечественников в странах Балтийского региона и их взаимодействие с субъектами Российской Федерации». Эстонская Республика, Таллин, 20 сентября 2003 года. / Составитель С.Сергеев. – Таллин, 2004. – 108 с.

47. Международная практика использования прав национальных меньшинств в Эстонии. Отчет регионального семинара. Маарду (Эстония), март 1998г., Таллин, 1999.

48. Международные акты о правах человека. Сборник документов. – М.: Издательство Норма, 2000. – 784с.

49. Международный опыт защиты соотечественников за рубежом. Мировая и отечественная практика. / Правительство Москвы, Мурадов Г.Л., Полоскова Т.В. и др. – М.: Классикс Стил, 2003. – 464 с.

50. Меньшинства и большинство в Эстонии: проблемы интеграции в европейском контексте. Материалы международного семинара, Таллин, Эстония, 15-16 ноября 2002 года, 63 с.

51. Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах. М., Институт этнологии и антропологии РАН, 1996, 239с.

52. Миграция в СНГ и Балтии: через различия проблем к общему информационному пространству. Материалы конференции (8-9 сентября 2000г., Санкт-Петербург). Под редакцией

Г.Витковской, Ж.Зайончковской. Издательское товарищество «АдамантЪ», 2001. – 296с.

53. Мирский Г. Еще раз о распаде СССР и этнических конфликтах. – «Мировая экономика и международные отношения», 1997, №2, с.12-22.

54. Население союзных республик. Сборник статей. Ред. коллегия: Т.В. Рябушкин и др. М.: «Статистика», 1977.

55. Национальные и этнические группы в Латвии. Информативный материал. Министерство юстиции Латвийской Республики (Отдел по национальным делам), Рига, 1996. – 96с.

56. Национальные меньшинства в странах Балтии: процесс интеграции. Материалы международного семинара. Таллин (Эстония), 14-15 июня 2002 года. 80 стр.

57. Негода И. «Обоюдная выгода», Балтийский курс, 2003, №27.

58. Неэстонцы на рынке труда в новой Эстонии / Отв. ред. Л.М.Дробижева. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001. – 128с.

59. Никифоров И., Учить или учиться? Школьная реформа в анкетах эстонских социологов, <http://materik.ru>, 25.10.2010.

60. Нужен ли русский язык новым независимым государствам / Материалы международной конференции, Фонд «Наследие Евразии», Москва, 2008, 112 с.

61. О вопросах совершенствования законодательства Российской Федерации в отношении российских соотечественников за рубежом и вынужденных переселенцев, Материалы «Круглого стола» 15.04.2004г. – Государственная Дума РФ.

62. Обзор по экономике Эстонии 1998-1999. Министерство экономики Эстонской Республики, Таллинн, 1999.

63. Образовательная деятельность в городе Нарва 1501-1940, «Trukis», 1998, 144 с.

64. Павук О., Коморская Т., Меркулова Т. «Рабила есть, специалистов – мало», Балтийский курс, 2003, №24.

65. Панарин С. Русскоязычные у внешних границ России: вызовы и ответы (на примере Казахстана) // Диаспоры.1999. №2-3.

66. Патриарх Алексий II Православие в Эстонии, Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», М., 1999, 704с.

67. Пименов И. О переходе образования в Латвийской Республике (ЛР) на государственный (латышский) язык // «Русский язык – язык общения в странах СНГ и Балтии. Проблемы и пути их решения» / Научно-практическая международная конференция Института стран СНГ и Московского Дома соотечественника, Москва, 15 июля 2003г.

68. Плинер Я.Г., Бухвалов В.А. Антипедагогика реформы русских школ в Латвии, <http://www.shtab.lv>

69. Полещук В. Закон об иностранцах и связанные с ним гуманитарные проблемы. – <http://www.lichr.ee>

70. Полещук В. Неэстонцы на рынке труда, Бизнес среда, 29.05.2002.

71. Полещук В. Русские в Эстонии, их идентичность и этнический конфликт, «Новый Таллинн», № 1-2, 2003 г.

72. Полещук В. Русские в эстонском национальном государстве. – <http://www.lichr.ee>

73. Полещук В. Теоретические основы современной западной концепции прав человека. – <http://www.lichr.ee>

74. Полоскова Т.В. Диаспоры в системе международных связей. – М., «Научная книга», 1998, 199 с.

75. Полоскова Т.В. Современные диаспоры. Внутриполитические и международные аспекты. – М., «Научная книга», 1999, 252 с.

76. Поляков В.Г. Россия и соотечественники за рубежом. – Дипломатический вестник, 2001, №5, с.68-71.

77. Полян П. Не по своей воле...История и география принудительных миграций в СССР. – М.:ОГИ – Мемориал, 2001. – 328 с.

78. Права человека: индивидуальные жалобы в ООН и Совет Европы. Сборник материалов. Таллин, 2000, 72 стр.

79. Проблемы становления институтов гражданства в постсоветских государствах. Под ред. Г. Витковской. М.: Московский Центр Карнеги, 1998, 244с.

80. Пьетро У. Дини Балтийские языки / Пер. с итал. – М.: ОГИ, 2002. – 544 с.

81. Развитие принципов недискриминации и защиты меньшинств: задачи Эстонии. Материалы международного семинара. Таллин (Эстония), 14-15.01.2002. 80 стр.

82. Российская диаспора в странах СНГ и Балтии: состояние и перспективы, кол. авторов, гл. ред. Скринник В.М., Изд-во «Омега», Москва, 2004, 340 стр.

83. Россия – Балтия. Доклады СВОП. Материалы конференций / Под ред. С.К.Ознобищева, И.Ю.Юргенса. М.: ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 2001. 496 с.

84. Русские в государствах региона Балтийского моря, Сборник статей, Балтийский исследовательский центр, Санкт-Петербург, 2004, 55 с.

85. Русские в странах Балтии: настоящее и будущее / Материалы международной конференции 5-6 апреля 1997г. Таллин. 1998. – 152с.

86. Русские в Эстонии, Центр исследований русских меньшинств в странах ближнего зарубежья, Москва, 1995, 28с.

87. Русский язык – язык общения в странах СНГ и Балтии. Проблемы и пути их решения, стенограмма конференции, Информационно-аналитический бюллетень «Страны СНГ. Русские и русскоязычные в новом зарубежье» №82, 15.09.2003.

88. Русский язык в новых независимых государствах, Фонд «Наследие Евразии», Москва, 2008, 176 с.

89. Рюйтель А. Эстония: возрождение будущего, Таллинн, Издательство «Ило», 2003.

90. Савоскул М.С. Вынужденная миграция русского населения из стран СНГ и Балтии // Население и кризисы. Вып. 4. М.: Диалог-МГУ, 1998. С.78-101.

91. Савоскул С.С. Русские нового зарубежья: Выбор судьбы. – М., «Наука», 2001, 438 с.

92. Семенов А. , Интеграция в Таллине 2001, Анализ данных социологического исследования, Таллин, 2002, 102 стр.

93. Семенов А., Барабанер Х. Эстонская республика и ее «неграждане». – <http://www.lichr.ee>

94. Симонян Р.Х. Россия и страны Балтии. – М.:Academia, 2003. – 456с.

95. Симонян Р.Х. Страны Балтии: этносоциальные особенности и общие черты 2003 г. №1 СОЦИС.

96. Слюсарева Е. Два языка в одной голове, Вечерняя Рига, 12.03.2003.

97. Смирнова Е.С. Страны Балтии: трудные становления института гражданства (1989-1999 гг.), «Право и политика», 2001, №7 .

98. Современные проблемы развития отношений России и Эстонии (Материал встречи-диалога представителей полити-

ческих и общественных кругов России и Эстонии подготовлен международной Федерацией мира и согласия). – «Мировая экономика и международные отношения», 1995, №7, с.138-143.

99. Сокольский С. Поставторитарные парламентские выборы в России, странах Восточной Европы и Балтии. – «Мировая экономика и международные отношения», 1995, №3, с.84-99.

100. Социальное и демографическое развитие расселения (Ученые записки Тартуского Государственного университета): Сборник статей – Тарту, 1986, 123 с.

101. Тенденции изменения правового статуса различных групп российских соотечественников, постоянно проживающих в Латвийской Республике, Рига. 2004.

102. Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. – М., «Наука», 2001, 240 с.

103. Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социс, 1996, №12, с. 33.

104. Федосова Э. От беглых староверов к государственной колонизации. Формирование русской диаспоры в Прибалтике (XVIII–XIX вв.), «Диаспоры», № 2-3, 1999г.

105. Цилевич Б. Права меньшинств: кто носитель этих прав? // Балтийские дилеммы: выступления по вопросам этнополитики, редактор В.Полещук, Центр информации по правам человека, Таллин 2003, с. 9-14.

106. Черниченко С. События в Прибалтике 1940г. как предлог для дискриминации русскоязычного населения. – «Международная жизнь» №3, 1998, с. 62-67.

107. Чистякова Н. Миграционные связи Санкт-Петербурга со странами Балтии / Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 90е годы. Под редакцией Ж.А. Зайончковской. М., 1999, 339-350 сс.

108. Этнические меньшинства в Эстонии: внутреннее законодательство и международные инструменты. Отчет международного семинара. Таллин, 25-26.04.1997г.

109. 2000 Round of Population and Housing Censuses in Estonia, Latvia and Lithuania, Statistical publication, Published by Statistics Lithuania, Vilnius, 2003.

110. Anais Marin Dix ans de relations russo-baltes; Le courrier des pays de l'Est №1003, Mars 2000, pp. 4-14.

111. Andersen E.A. The Legal Status of Russians in Estonian Privatization Legislation. 1989-1995. – «Europe – Asia Studies», vol. 49, №2, 1997, pp.303-316.

112. Capotorti F. Study on the rights of persons belonging to ethnic, religions and linguistic minorities.- UN Doc. E/CN.4/Sub.2/384/Rev.1.

113. Counties in Figures 1998-2002, Statistical Office of Estonia, Tallinn, 2003.

114. Demographic situation in Lithuania 1990-2002, Statistics Lithuania, Vilnius, 2003.

115. Demographic statistics in the Baltic countries. Tallinn; Riga; Vilnius, 1996.

116. Demographic Yearbook 2002, Statistics Lithuania, Vilnius, 2003.

117. Demography 2004, Collection of Statistical date, Central Statistical Bureau of Latvia, Riga 2004.

118. Economic and Social Development in Lithuania 2004/2, Statistics Lithuania, Vilnius, 2004.

119. Education 1996/1997, Statistical Office of Estonia, Tallinn, 1996.

120. Education 2001/2002, Statistical Office of Estonia, Tallinn, 2001.

121. Education 2002/2003, Statistical Office of Estonia, Tallinn, 2003.

122. Ene Must, People in Ida-Virumaa: Between Two Cultures // The Baltic Review. – Volume 21. pp. 34-38.

123. Geography in Lithuania, Institute of Geography, Vilnius, 1996, 250 pp.

124. Leo Dribins. Etniskas un nacionalas minoritates Eiropa. Vesture un musdienas // Eiropas Padomes Informācijas birojs, Latvijas Universitātes Filozofijas un socioloģijas institūts. – Riga, 2004.

125. Monthly Bulletin of Latvian Statistics 3(118)/2004, Central Statistical Bureau of Latvia, Riga, 2004.

126. Monthly Bulletin of Latvian Statistics 7(110)/2003, Central Statistical Bureau of Latvia, Riga, 2003

127. Monthly Bulletin of Latvian Statistics 9(124)/2004, Central Statistical Bureau of Latvia, Riga, 2004

128. P.Jarve & C.Wellmann Minorities and majorities in Estonia: Problems of integration at the threshold of the EU. European Centre for Minorite Issues, Report #2, 1999.

129. Portrait of the regions, Volume 8: Estonia, Latvia, Lithuania / European Commission, Statistical Office of the European Communities, Luxembourg, 2000, 136 pp.

130. Regional Statistics of Estonia 2002, Statistical Office of Estonia, Tallinn, 2003.

131. Results of the 2001 Total Population and Housing Census in Republic of Lithuania, Statistics Lithuania, Vilnius, 2002.

132. Statistical Yearbook of Estonia 1998. Statistical Office of Estonia, Tallinn, 1998.

133. Statistical Yearbook of Estonia 2003, Statistical Office of Estonia, Tallinn, 2003.

134. Statistical Yearbook of Latvia 1999, Central Statistical Bureau of Latvia, Riga, 1999.

135. Statistical Yearbook of Lithuania 2002, Statistics Lithuania, Vilnius, 2002.

136. Statistical Yearbook of Lithuania 2003, Statistics Lithuania, Vilnius, 2003.

137. The Survey of the Lithuanian Economy 2003, №2, Ministry of Economy, Statistics Lithuania, Vilnius, 2003.

138. Vares P. Estonia and Russia, Estonians and Russians: A Dialogue. Research Paper. Tallinn: The Olof Palme International Center (Sweden), the Institute of International and Social Studies (Estonia), Center for the Study of Mind and Human Interaction, University of Virginia (USA), 1996, 51 pp.

Примечания

¹ Международные акты о правах человека. Сборник документов. – М.: Издательство Норма, 2000, с. 109-113.

² Международные акты о правах человека. Сборник документов. – М.: Издательство Норма, 2000, с. 634-640.

³ Capotorti F. Study on the Rights of Persons Belonging to Ethnic, Religious and Linguistic Minorities. – New York, 1979. UN – Document E/CN. 4/Sub.2/384. Rev.1.

⁴ Leo Dribins. Etniskas un nacionalas minoritātes Eiropā. Vesture un musdienas // Eiropas Padomes Informācijas birojs, Latvijas Universitātes Filozofijas un socioloģijas institūts. – Rīga, 2004.

⁵ <http://www.hri.ru/docs/?content=doc&id=92>

⁶ Сейм Латвии ратифицировал конвенцию по защите национальных меньшинств, <http://www.regnum.ru/news/460778.html>

⁷ Цилевич Б. Права меньшинств: кто носитель этих прав? // Балтийские дилеммы: выступления по вопросам этнополитики, редактор В.Полецук, Центр информации по правам человека, Таллин 2003, с. 9-14.

⁸ Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социс, 1996, №12, с. 33

⁹ Полоскова Т.В. Современные диаспоры. Внутриполитические и международные аспекты. – М., «Научная книга», 1999, 252 с.

¹⁰ Даунс П. (Paul Downes) Жизнь с героином. Идентичность, социальное отторжение и распространение ВИЧ среди русскоязычного меньшинства в Эстонии и Латвии. // Центр информации по правам человека, Центр информации поддержки против СПИДа. Таллин, 2003.

¹¹ Русский язык – язык общения в странах СНГ и Балтии. Проблемы и пути их решения, стенограмма конференции, Информационно-аналитический бюллетень «Страны СНГ. Русские и русскоязычные в новом зарубежье» №82, 15.09.2003.

¹² Вушкарник А.В. Проблемы отношений России со странами Балтии. Доклад Института Европы РАН №36. М.: Институт Европы, 1997, 70с.

¹³ Круминг-Сухарев Б.А. Русские в Прибалтике: рубеж XXI века. Санкт-Петербург, 2001.

¹⁴ Даунс П. (Paul Downes) Жизнь с героином. Идентичность, социальное отторжение и распространение ВИЧ среди русскоязычного меньшинства в Эстонии и Латвии. // Центр информации по правам человека, Центр информации поддержки против СПИДа. Таллин, 2003.

¹⁵ P.Jarve & C.Wellmann Minorities and majorities in Estonia: Problems of integration at the threshold of the EU. European Centre for Minorite Issues, Report #2, 1999.

¹⁶ Савоскул С.С. Русские нового зарубежья: Выбор судьбы. – М., «Наука», 2001, 438 с.

¹⁷ Панарин С. Русскоязычные у внешних границ России: вызовы и ответы (на примере Казахстана) // Диаспоры.1999. №2-3.

¹⁸ Деменков А. Baltic Aliens. – <http://www.delfi.ee>. 8 февраля 2005 г.

¹⁹ Симонян Р.Х. Россия и страны Балтии. – М.:Academia, 2003. – 456с.

²⁰ Географический энциклопедический словарь: Географические названия / Гл. ред. А.Ф. Трешников. Ред. кол. Э.Б. Алаев и др. – 2-е изд., доп. – М.: Сов. Энциклопедия, 1989. – 592 с.

²¹ Полян П. Не по своей воле...История и география принудительных миграций в СССР. – М.:ОГИ – Мемориал, 2001. – 328 с.

²² Чистякова Н. Миграционные связи Санкт-Петербурга со странами Балтии / Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 90е годы. Под редакцией Ж.А. Зайончковской. М., 1999, 339-350 сс.

²³ Савоскул С.С. Русские нового зарубежья: Выбор судьбы. – М., «Наука», 2001, 438 с.

²⁴ Информационно-аналитический бюллетень Фонда Сороса «Открытое общество» №2(11), 2001.

²⁵ Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах. М., Институт этнологии и антропологии РАН, 1996, 239с.

²⁶ Савоскул С.С. Русские нового зарубежья: Выбор судьбы. – М., «Наука», 2001, 438 с.

²⁷ Чистякова Н. Миграционные связи Санкт-Петербурга со странами Балтии / Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 90е годы. Под редакцией Ж.А. Зайончковской. М., 1999, 339-350 сс.

²⁸ Бузаев В. Неграждане в Латвии, Рига, 2007.

²⁹ Гражданство ЛР получили еще 180 человек, rus.DELFI.lv, 12 января 2010.

³⁰ Пресс-релиз о статистике по гражданству РФ (25.03.2008), <http://www.rusemb.ee/news/archive/25-03-2008/>

³¹ Гражданство не предоставляется лицам, служившим в качестве кадрового военнослужащего в вооруженных силах иностранного государства или находившегося на разведывательной службе или

службе безопасности иностранного государства. Права на получение эстонского гражданства лишены ряд лиц, проходивших военную службу в Эстонии и оставшихся в республике на жительство после увольнения в запас. Этот же запрет относится и к членам их семей. Граждане, прошедшие процедуру натурализации, могут быть лишены эстонского гражданства, в отличие от граждан по рождению. В Латвии права на натурализацию (а, следовательно, на гражданство) лишены бывшие члены КПСС и те, кто сотрудничал с КГБ. Также запрет распространяется на военнотружущих вооруженных сил и внутренних войск СССР, если они призывались не из Латвии.

³² Бузаев В. Неграждане в Латвии, Рига, 2007.

³³ Бузаев В. Неграждане в Латвии, Рига, 2007.

³⁴ Бузаев В. Неграждане в Латвии, Рига, 2007.

³⁵ Бузаев В. Неграждане в Латвии, Рига, 2007.

³⁶ Эдгар Сависаар: долговременная безработица растет чудовищными темпами, rus.DELFI.ee, 09.09.2010.

³⁷ Полещук В. Неэстонцы на рынке труда, Бизнес среда, 29.05.2002.

³⁸ Даунс П. (Paul Downes) Жизнь с героином. Идентичность, социальное отторжение и распространение ВИЧ среди русскоязычного меньшинства в Эстонии и Латвии. // Центр информации по правам человека, Центр информации поддержки против СПИДа. Таллин, 2003.

³⁹ Даунс П. (Paul Downes) Жизнь с героином. Идентичность, социальное отторжение и распространение ВИЧ среди русскоязычного меньшинства в Эстонии и Латвии. // Центр информации по правам человека, Центр информации поддержки против СПИДа. Таллин, 2003.

⁴⁰ Начиная с весны 2003 г., в Латвии прошло более сотни акций ненасильственного сопротивления проводимой «школьной реформе»: Обращения Латвийского общества русской культуры, Латвийской ассоциации преподавателей русского языка и литературы, Общественного совета по вопросам образования при ЗаПЧЕЛ, а также других организаций к руководству ЛР, Родительские конференции ЛАШОР, многочисленные митинги и шествия ЗаПЧЕЛ и Штаба защиты русских школ, сбор подписей под письмами в адрес Совета Европы, Европарламента, ОБСЕ, ООН и др.

⁴¹ Гуцин В., Некоторые уроки и итоги движения за отмену «школьной реформы» в Латвии, <http://www.materik.ru>, 03.02.2010.

⁴² Плинер Я.Г., Бухвалов В.А. Антипедагогика реформы русских школ в Латвии, <http://www.shtab.lv>

⁴³ О том, что двуязычие порождает полуязычие и полукультурность, впервые сказал эстонский исследователь Хильд. Именно такие «образцы» получаются, когда, например, русских детей резко

переводят учиться на латышский язык. Дело в том, что структуры мышления формируются на родном языке до 12 лет, и, если эту нить оборвать, нарушается ассоциативная связь между понятием предмета и его именем. [110]

⁴⁴ Слюсарева Е. Два языка в одной голове, Вечерняя Рига, 12.03.2003.

⁴⁵ Никифоров И., Учить или учиться? Школьная реформа в анкетах эстонских социологов, <http://materik.ru>, 25.10.2010.

⁴⁶ ЦС: в эфир возвращают «языковые» квоты, rus.DELFI.lv, 02 июня 2010.

⁴⁷ МИД РФ: Латвия продолжает политику дискриминации русскоязычных, <http://www.rian.ru>, 15.07.2010.

⁴⁸ Литва запретила вещание «Голоса России», <http://www.regnum.ru>, 23.12.2007.

⁴⁹ Русские испугались за российские каналы, 18.05.2007, DELFI.ee

⁵⁰ «Reporter.ee»: Март Хельме желает запретить российские телеканалы на территории Эстонии, 07.09.2008, <http://www.russkie.ee/>

⁵¹ http://www2.pasts.lv/lv/privatpersonas/preses_abonesana_2010/Laikrakstu_un_zurnalu_katalogs_2010.pdf

⁵² Зверко Н., За 15 лет русских газет стало вдвое меньше, ru.DELFI.lt, 20.10.2009.

⁵³ Издание «Молодежи Эстонии» временно приостанавливается, 30.04.2009, <http://novosti.err.ee/index.php?26163141&print=1>

⁵⁴ Возобновление выпуска газеты «Молодежь Эстонии» отложено до июня, 12.05.2009, Postimees.ee

⁵⁵ Газета [Postimees](http://Postimees.ee) купила еженедельник «День за днем», <http://www.rosbalt.ru/2008/10/21/534743.html>

⁵⁶ В данном разделе сравнение проводится с результатами исследования «Русский язык в новых независимых государствах», Фонд «Наследие Евразии», Москва, 2008.

⁵⁷ Логинова С. Русское лицо эстонской безработицы, Молодежь Эстонии, 24.03.2003.

⁵⁸ Безработным Ида-Вирумаа не дает стать предпринимателями незнание эстонского, Виру Проспект, 29.09.2010.

⁵⁹ Даунс П. (Paul Downes) Жизнь с героином. Идентичность, социальное отторжение и распространение ВИЧ среди русскоязычного меньшинства в Эстонии и Латвии. // Центр информации по правам человека, Центр информации поддержки против СПИДа. Таллин, 2003.

Шибеева Екатерина Ильинична

**Региональные особенности положения
русскоязычного населения Прибалтики**

Компьютерная верстка

Т. Каракозова

Институт диаспоры и интеграции

(Институт стран СНГ)

119180, Москва, ул.Б.Полянка, д.7/10, стр.3

(Старомонетный пер., 10)

Подписано в печать 15.11.2010. Уч. п.л. 6,25

Формат 60×90/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная

Тираж 300 экз.

Заказ №

Отпечатано в «ИПК «Знак», г. Москва

Для заметок

